

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в клубе "Юнионъ"
состоится
АНОНСЪСостоится в клубе "Юнионъ" в пятницу
концертъ Маріи Ивановны Долинойвъ залъ новой биржи
въ понед. вечеръ въ 8 часовъГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 1 (91)

Март. 2015 год.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Шестикрылый
Серафим

Нет, я не про ангела, который по христианской традиции ближе всех находится к Богу.

Я о человеке, которого родители назвали романтическим и возвышенным именем — Серафим. Можно было бы предположить, что их вдохновил "Пророк" А.С. Пушкина или "Шестикрылый Серафим" М. Врубеля. Но в семье Чаркиных имя Серафим — традиционное.

Итак, знакомим тех, кто не знаком с нашим героем:

Серафим Серафимович Чаркин, художник, чья выставка в феврале 2015 года открылась во Всемирном клубе одесситов.

Никогда не считал количество крыльев у Серафима Чаркина, но всегда ощущал его полётность, мятежность, неуспокоенность.

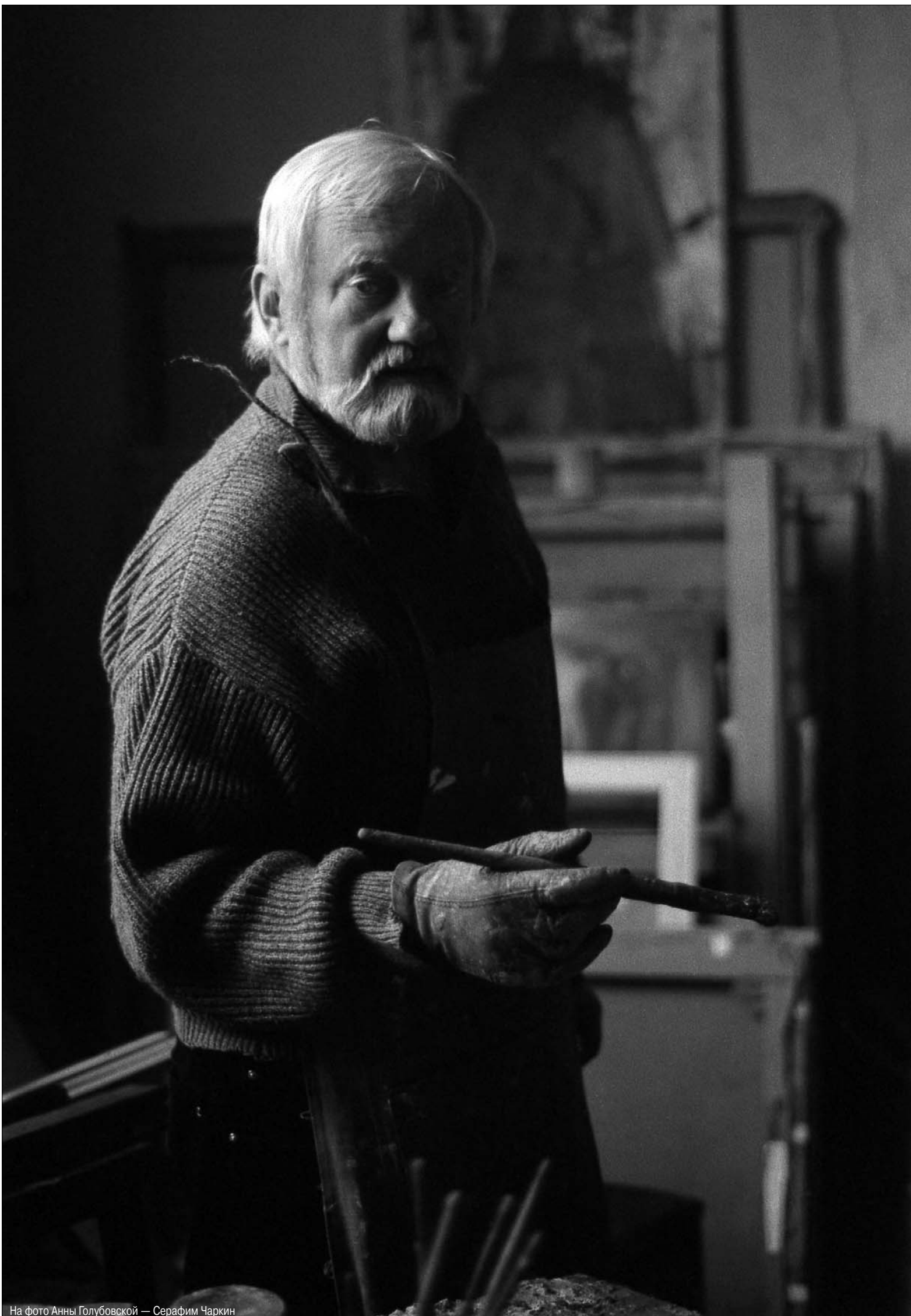
Есть ли возможность определить возраст человека, кроме как заглянуть в его паспорт? Если посмотреть на картины Серафима Чаркина этого, прошлого года, то убежденно можно сказать: ему сорок — пятьдесят лет. И что из того, что по паспорту 17 февраля 2015 года ему исполнилось 70? Надо верить не бумагам, а впечатлениям.

Серафим — один из самых оптимистических, эмоциональных, чувственных художников Одессы. В наши трудные времена быть художником радости ой, как непросто! Но он влюблен в жизнь, женскую красоту, в ритмы джаза и всё это с энергией молодого художника переносит на холст, дарит своим зрителям.

Высокая, многометровая мастерская, когда-то принадлежавшая художнику Е. Буквоецкому. В каком-то удивительном танце в ней парит сразу над несколькими холстами Чаркин. Шестикрылый Серафим. И синкопами цвета звучат его картины, мощные, цельные, как и сам этот человек.

Выставку Серафима Чаркина во Всемирном клубе одесситов подготовил Музей современного искусства Одессы.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

На фото Анны Голубовской — Серафим Чаркин

Дорогой Евгений Михайлович,
Очень рада познакомиться, благодарю Вас от всей души за желание помочь!

Переписываться с Вами — большая честь.
И, конечно же, Всемирный клуб одесситов не нуждается в представлении...

Мои московские друзья связали меня с Ольгой Ильницкой, она и дала мне Вашу почту.

На всякий случай приведу здесь текст письма, которое я отправляла Ольге.

Мари Мартирон, журналистка парижской радиостанции "Франс Кольтюж" ("France Culture"), готовит передачу об Одессе.

Передача войдет в серию "Города-миры" ("Villes-Mondes"), вот веб-страничка серии: <http://www.franceculture.fr/emission-villes-mondes-1>.

15 — 16 марта 2015 года (в воскресенье и понедельник)

Мари уже будет в Одессе и готова провести предварительные встречи с участниками передачи.

Запись проходит в течение нескольких дней, с 17 марта до 21-го (со вторника по субботу включительно), может быть, кое-что придется дописывать даже в воскресенье, 22 марта, утром.

Радиопередачи серии "Города-миры" помогают французам увидеть известные города мира глазами писателей, художников, переводчиков, музыкантов, актеров, ученых — интеллигентов, творцов в широком смысле слова.

В первой части Мари расскажет об истории Одессы и образе города, представленном в литературе и кинематографе.

Здесь возможно интервью с Игорем Минаевым: он работал в Одессе и живет во Франции, это важно для слушателей.

Вторую часть составят записи встреч Мари с жителями Одессы — творцами (см. выше).

Необходимо, чтобы некоторые из них говорили по-француз-

ски: сплошной дубляж слушать тяжело, поэтому мы ищем франкофонов.

Мари почти не говорит по-русски, и у нее будет переводчик с русского и украинского.

Сама я не принимаю участия в подготовке передачи — просто помогаю друзьям и знакомым, как всегда.

Уверена, что Мари понадобится не только электронная почта, но и номера телефонов одесситов.

А самое главное — точно знать, кто будет в эти дни в городе, кто согласится дать интервью...

Действительно очень важно, чтобы в числе участников передачи были франкофоны, даже те, кто изучает язык с недавних пор. Надеюсь, что такие одесситы найдутся!

Как я сказала Ольге, постараюсь сделать всё возможное, чтобы подготовка к передаче прошла наилучшим образом!

С благодарностью и уважением —

Арина.

Здравствуйтесь, дорогие одесситы, господин Рукман!

Спасибо, что вы существуете, и так радостно окунуться в странички вашего сайта этим утром!

Не знаю, с чего начать, потому что стараюсь вкратце со всего, попросив немного вашего времени, которого, как я понимаю по сайту, мало свободного.

В руках книга, приобретенная для 76-летней мамы в подарок — "Odessa Memories with Contribution by Bel Kaufman". Мама, которая, наконец, кажется, едет в гости из Германии.

Радость, боль и снова это солнце из детства, из Одессы, эта сила, что все возможно! Маленький клик в Интернете и встреча с вашим сайтом — спасибо!

Что же произошло — до 1991 года я была, что все в жизни было, так как я одесситка в третьем поколении. Мой славный и скромный дедушка Литвак Владимир Исаакович и его столь же скромные друзья Мартыновский и Мельцер не утешили этот порыв. Жизнь подросла — пришлось даже иногда забывать и не хвастаться, что я одесситка. Были 16 лет в Италии. Становление взрослости, бизнеса, короткое возвращение в Одессу в 1997 году... удивление... какая она маленькая... о многом сожаление... И вот все эти годы вдаль.

Теперь с новой силой и надеждой обращаюсь к вам и пока неизвестно, но уже очень прекрасным людям: скажите, пожалуйста, а как становится членом вашего клуба? Мы по ошибке последние 6 лет живем в о-о-очень англичаном закрытом клубном месте... неужели клуб одесситов — это тоже так? Все засекречено, только по приглашению, и неизвестно вообще, что будет. Надеюсь, что нет, у одесситов так быть не может! А если нет, скажите, как с вами поближе связаться — "Скайп"?

Мое предложение маленькое для маленьких — у нас с мужем 6 чудеснейших детей, никогда не бывших пока в Одессе... вот такие маленькие 50-процентные одесситы-дети вне Одессы... наверняка нас таких есть везде и много... И что, если начать специально для них страничку, организовывать встречи? Ну, идей, как вы понимаете, конечно, очень много!

Но ведь я это впервые к вам пишу, и посему стоить завершить и подождать ответа!

Всего вам прекрасного!

И спасибо, что вы есть!!!

Ира Царева.

Дорогой Евгений Михайлович! Благодарю Вас за поздравление. Юбилейные мероприятия идут успешно, очень радует большое количество посетителей музея и выставок, связанных с этой датой. Я вижу будущую, читающую молодежь, и это единственное, что хоть как-то обнадеживает в наше время.

Благодарю Вас и за прекрасную публикацию в альманахе. Все больше и больше чувствую в себе одесские корни, надеюсь и на дальнейшее сотрудничество, и на встречу.

Елена Пастернак.

Меня, день добрый!

Не могу не поделиться: благодарю книжке Оксаны Киянской и Давида Фельмана (я про нее говорил) разгада, наконец, загадку, которая меня занимала почти 20 лет. В 87-м (если верно помню, пробовать лень, все равно — близко к тому) Розанова в "Синтаксисе" дала коллаж из газет 37-го (а я потом их перелистал в здешней библиотеке) — с "интеллектуальными" письмами ко Второму Московскому процессу. И там бросилось мне в глаза отсутствие подписи Катаева (м. б., где-то и была, но я много перелистал — не попалась). Брат его — везде, Зощенко, ну и прочие вполне достойные люди, а В. Л. — нет. Везде, казалось бы, уже написаны-изданы и "Время, вперед!", и "Ларус" (только что вышел), на виду и на слуху, а нет, и всё тут! И вот теперь прочитал дела Якова Бельского и Аркадия Бухова: там прямо в напечатанном на машинке заголовок протокола допроса у каждого — об "антисоветской деятельности" Катаева (и Олеси, в одиночку нельзя). Бухов подтвердил, Бельский — нет. Но ясно стало, что подписи не было просто потому, что Катаев, можно сказать, одной ногой был уже на Лубянке, о чем составители писем — и списков к ним, естественно, едва ли могли не знать. И это делало подпись "нежелательной". Видно, тогда же, чуть позже, и было принято решение по Катаеву (и Олеся). Так что запоздалый донос Ставского (в письме по поводу арестованного Мандельштама) уже оставлен без реакции. Равно как и фраза Мандельштама из протокола допроса — о том, кто оказывал ему материальную помощь в пору воронежской ссылки. И, как говорил мне Давид, нигде ни одного повода говорить о том, что Катаев "сотрудничал", "провоцировал" и проч., о чем по сию пору не устают упоминать сильно его не любящие литературоведы. А вот про то, что помогал, известно: и Шишовой, и Бондарину, и семье Ильфа,

Памяти Аркадия Гукко

Из Нью-Йорка пришла печальная новость — умер Аркадий Гукко.

Для нас — замечательный человек, друг, отзывавшийся на все боли близких и не близких людей.

Человек, влюбленный в Одессу, собиратель книг, газетных и журнальных статей, спешивший поделиться тем, что знал. Так было в Одессе, так продолжалось в Нью-Йорке.

И в Америке Аркадий оставался одесситом, входил в одесское землячество, служил живым мостом между Всемирным клубом одесситов и землячеством в Нью-Йорке, пропагандировал деятельность Всемирного клуба одесситов.

Аркадия, Аркаши больше нет. Но память о нем сохранится в очень многих сердцах. И в наших.

Леонид Рукман,
Евгений Толубовский.

не говоря уже об осиротевшей семье брата (тут — поискать, наверняка найдется и еще). Так что — ничего за исключением подписанного и ничего не решавшего его подписью письма о Солженицыне, о котором он сам очень точно сказал Липкину, да одной-единственной фразы во время, опять же, предрешенного "исключения" Чуковской (да и фраза-то, между нами, "никакая").

В общем, зависть — она и есть зависть. Причем, увы, не в пушкинском значении слова...

Вале — поклон.

Твой Вади́м Перельмутер.

Добрый день!

Очень давно питаю любовь к одесским художникам как к уникальным колористам!

Узнала, что вы создали фильм "Они остались след в истории Одессы", в котором есть материалы и по художникам. Скажите: как можно его посмотреть?

Заранее спасибо!

С уважением —

Ксения.

Леонид!

Спасибо за ответ!

Я искусствовед, работала с работами Ильи Каца, сейчас в поле внимания все чаще попадает Лев Межберг. И возникает острое желание знать больше.

Очень жду подробностей!

И факта о количестве дисков, потому что я не одна, кто душой болеет за художников-одесситов.

С уважением —

Ксения.

Дорогой Леонид,

здравствуйтесь!

Какая радость так скоро получить ваш мэйл!

Простите — не прочла ранее, открыла "Скайп" за чашечкой кофе и по ошибке отклала запрос, не признав адрес... Подробно сейчас отыскала ваш "Скайп" и послала запрос, но что-то не срабатывает!!! Похоже, очередные особенности жизни в Берлине. Спасибо заранее.

Буду ждать связи!

И еще раз спасибо, что вы есть!

Ира.

Уважаемый Леонид, все улажено, и мы теперь друзья в "Скайпе"! Даже успела Вам СМС отправить,

давайте договоримся, когда удобно связаться.

Для меня сейчас замечательно. Или когда Вам удобно — у нас в течение недели домашняя школа и онлайн-бизнес, несколько сложней иметь время. Освобождаюсь, когда у вас совсем поздно.

Всего доброго.

Добрый день! Компания "Бориваж" хотела бы посетить вашу выставку.

Точните, пожалуйста, какими образом получить приглашения. Или такая система не действует? До какого числа будет проходить выставка, адрес проведения, и если есть продажа картин Горбенко Анатолия Александровича — в каком диапазоне варьируются цены на них?!

Заранее спасибо!

С ув. — менеджер по админ.

деят-ти ООО "Бориваж",

Савицкий Юлия.

Здравствуйтесь, Леонид.

Спасибо за Ваше письмо и предложение. Собрание альманаха, которым располагает библиотека, к сожалению, далеко не полное.

У нас есть номера: 12, 14, 15 (2003); 16 (2004); 23 (2005); 25, 26, 27 (2007). Без сомнения — было бы здорово получить недостающие номера и подписаться на следующие.

Технически библиотека не работает с отдельными издателями и частными поставщиками материала, а ведет комплектование через книжоторговые сети. Я написал письмо украинским коллегам и, надеюсь, скоро смогу Вам точно сказать, как именно будет построена процедура.

Большое спасибо, радостных выходных и скорого начала Хануки!

С уважением —

Т. Коган,

библиотекарь славянских коллекций.
Национальная библиотека Израиля

Здравствуйтесь!

Поскажите, пожалуйста: возможно ли заказать у Вас книги Олега Иосифовича Гударя по предварительной оплате или при получении на почте в Ярославле?

1. "Очерки ранней истории евреев Одессы".

2. "Первые кладбища Одессы".

С уважением —

Ольга.

«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:

www.odessitclub.org

Анатолий ГОРБАТЮК

"...со слезами на глазах..."

70 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

...8 мая 1976 года с коллегами-строителями я сидел в прорабской ремонтно-строительного управления Одесского морского порта. Это был предпраздничный (а потому слегка укороченный) рабочий день. На одном из столов, застеленном газетами, стояла нехитрая закуска и, конечно, водка. На подоконнике хрипела старенькая "Спидола" — передавали всем нам до боли знакомые песни военных лет. Слегка "разогретье" "Столичной", мы оживленно беседовали и не слишком прислушивались к тому, что вещал приемник. "А сейчас, — сообщил диктор, — прозвучит песня Давида Тухманова на стихи поэта Владимира Харитонova "День Победы". Народ в прорабской притих. Вот уже год, как эта прекрасная песня постоянно звучала во всех праздничных концертах и не сходила с экранов телевизоров, но продолжала трогать искренностью и теплотой. Когда прозвучали слова: "Это праздник со слезами на глазах", — я невольно усмехнулся, вызвав явное недоумение присутствующих. "Ты это чего? — повернулся ко мне бригадир сварщиков Феликс. — Песня не нравится?" И тогда я рассказал коллегам, чем вызвана моя совершенно неуместная, казалось бы, ухмылка.

— Это произошло, — неторопливо начал я свой рассказ, — ровно тридцать один год назад...

Это произошло ровно тридцать один год назад, 8 мая 1945 года. Я, семилетний вечно полуголодный пацан (восемь мне исполнится только в августе), изрядно намаялся за день, до полного изнеможения гоняя тряпичный мяч со сверстниками. Вымыв ноги в тазике с подогретой на примусе водой, добрал до топчана, на котором мама расстелила мне постель и, пробормотав сидевшей за столом в тусклом желтоватом свете керосиновой лампы маме обязательное "Спокойной ночи!", плюхнулся на топчан, мгновенно провалившись в сон. Мне опять приснилась война — свист падающих бомб, тревожные крики, чей-то плач... Но спал я недолго и проснулся от маминого плача. Со стороны порта отчетливо слышались оружейные выстрелы.

— Что случилось?! — вскочил я на ноги. — Бомбежка?

— Нет, нет, сынок, — вытирая слезы и улыбаясь при этом, сказала мама, — всё в порядке! Конец войне! Слышишь, как в порту корабли салютуют? Скоро наш папка с фронта вернется!

Ну, улыбка — это понятно, от радости. Но слезы-то, слезы при чем?! Не понять мне этих женщин...

Открыв собственным ключом дверь, вошла Рита, моя старшая сестра. Она уже совсем взрослая, поступила в институт, будет, как мама, строителем.

— Ты слышала, Риточка? — бросилась к ней мама. — Война закончилась!

— Да, мамочка, уже знаю, мне только что дядя Леня сказал...

Дядя Леня — это наш дворник. Откуда-то всё узнаёт раньше всех. Видно, работа у него такая.

Мы вышли во двор, куда высыпали буквально все жильцы нашего дома, выглянули на улицу. Со стороны порта по-прежнему раздавались выстрелы из орудий, то и дело в небо взвивались ракеты, и становилось светло, как днем.

...9 мая было объявлено нерабочим днем. Во дворе с утра стихийно возник местный праздник. Коля и Ванька, крепкие хлопцы, хулиганистые сыновья дяди Лени, вытащили во двор тяжеленный дубовый стол; тетя Феня, сварливая жена дяди Лени, накрыла его старенькой чистой клеенкой и установила в центре небольшую бутылку, до половины заполненную жидкостью с тревожным синеватым оттенком, и несколько граненых стаканов. У стола начали собираться соседи, каждый, несмотря на голодное время, приносил какую-то еду. Первым, страшно скрипя новенькими протезами, к столу подошел потерявший под Севастополем ноги Жора, еще совершенно трезвый. На его груди поблескивали орден Боевого Красного Знамени и медали. Он принес поллитровую банку хамсы (мы ее называли тьюлкой) собственного засола. Тетя Вера в ярком крепединном платье и косынке, из-под которой выглядывали бигуди, принесла только-только испеченный малай (кекс из кукурузной муки), на поверхности которого кокетливо расположилось несколько изюминок.

Мама отправила со мной приготовленный вечером винегрет, сдобнив его ложкой дефицитнейшего подсолнечного масла, но сама во двор не вышла: мы должны были участвовать в другом праздничном мероприятии. Ра-

но утром нас разбудил курьер из Облдорота, где работала мама, и передал ей просьбу начальника прийти пораньше для подготовки вечеринки (теперь бы сказали — "корпоратива") сослуживцев. Мама решила взять меня с собой. Ой, лучше бы я остался дома... Но обо всем по порядку.

Облдоротел находился тогда в красивом здании на улице Франца Меринга (ныне — Нежинская), 65, угол улицы Льва Толстого. Когда-то это был доходный дом Шполянско-го, построенный по проекту архитектора Юрия Серадского в 1892 году.

Начиналось все хорошо. Некоторые сослуживцы пришли с детьми, и набралось их (т. е. нас) человечков шесть — семь, пацаны и одна девчонка. Взрослые уселись за сдвинутые рабочие столы, которые предварительно были накрыты ненужными чертежами, уложенными чистой стороной вверх и пришпиленными кнопками. Перед этим нас накормили всякой вкуснятиной (картошкой с селедкой, бутерной колбасой) и отправили в специально по такому поводу выделенное для игр одно из просторных помещений, откуда столы были вынесены.

Мы по очереди играли на "взрослом" бильярде, потом затеяли какие-то шумные игры... Мое внимание привлек крепкий парнишка лет десяти, который с нами не разговаривал, но периодически издавал какие-то странные, нечленораздельные звуки. Обладая хорошим слухом, я несколько раз очень удачно, судя по всеобщему одобрителному смеху, повторил его "мычание". Громче всех смеялась девчонка, и это страшно вдохновляло меня.

Разве мог я, семилетний, догадаться, что парнишка-то глухонемой?! Увы мне! На третьей или четвертой моей "пародии" он неожиданно схватил меня за шиворот и что было сил швырнул в дальний угол комнаты. Может быть, все закончилось бы несколькими синяками, которые с моего тщедушного тела никогда не сходили, но во время "полета" я зацепился за опрокинутый стул и влетел лицом в угол кафельной печи. Физиономия моя мгновенно превратилась в сплошное месиво, хлынула кровь, я услышал крики рядом и потерял сознание...

Очнувшись я от боли. Мама, совершенно белая, обмывала мое распухшее лицо и заставляла полоскать рот. С водой я выплюнул все свои зубы! Слава Богу, зубы были молочные, и через некоторое время выросли новые, но тогда мысль о новых зубах мало утешала меня.

Нужно ли говорить, что для нас с мамой веселье на этом закончилось? В предоставленной начальником по такому печальному поводу машине мы поехали домой.

За время нашего не слишком долгого отсутствия во дворе произошли некоторые события. Как всегда, напился несчастный без-

ногий инвалид, причем неумеренное поглощение им спиртного проходило по уже известному всем соседям сценарию. Столько лет прошло с тех пор, а я до сих пор часто с горечью вспоминаю этого несчастного парня, со своей тетушкой занимавшего в "коммуне" на втором этаже маленькую комнатку с окном, выходящим на площадку перед дворовым туалетом.

Шестнадцатилетним мальчишкой, когда немцы с румынами подошли к Одессе (на дворе стоял жаркий август 1941 года), круглый сирота Жора убегает на фронт и каким-то образом оказывается в отряде морской пехоты. После кровопролитных боев он на одном из последних отходящих судов со своим отрядом переправляется в Севастополь. Во время одной из яростных контратак в районе Мамаева кургана Жора наступает на мину...

Жить Жоре больше не хотелось, поэтому медперсоналу нескольких госпиталей, в которых он находился "на лечении" после ампутации ног, приходилось глаз с него не спускать и кормить, особенно сначала, буквально насильно.

Через некоторое время Жора стал поспокойнее, несколько окреп и в конце апреля прибыл в Одессу, имея на груди орден Красного Знамени, медали "За оборону Одессы", "За оборону Севастополя" и "За отвагу", а также небольшой рюкзачок со сменной белью и новеньким бушлатом. Ему еще, кажется, и двадцати к этому времени не исполнилось...

От костылей Жора категорически отказался еще в госпитале и ходил на жутко поскрипывавших протезах, грузно опираясь на палку и по-утиному переваливаясь.

Раз в месяц Жора отправлялся за причитавшимися ему пенсией по инвалидности и "наградными", которые тогда еще выплачивались. В такой день возвращался он домой только к вечеру, и двор, видя направляющегося на покой молодого инвалида, который едва держался на своих "ногах", замирал в ожидании чего-то ужасного: обычно выдержанный и вежливый, Жора после похода за пенсией и принятия изрядной дозы водки становился не просто невменяемым, но и крайне опасным...

Сначала двор оглашали пронзительные женские крики, доносившиеся из Жориной "коммун": "Помогите! Пожар! Горим!!!" Потом раздавался треск ломаемой мебели, звон разбиваемой посуды. Сгорая от любопытства, в ожидании зрелища вслед за взрослыми мы, пацаны, устремлялись по железной грохочущей лестнице на второй этаж флигеля, откуда неслись эти звуки. Еще издали были слышны какой-то безумный хохот — это смеялся Жора — и его крик, заглушавший женский визг:

— Я вас, падлы, всех сожгу! Вы мне, де-

шевки румынские, и за Одессу, и за Севастополь ответите!..

Кому он это кричал — своей старой и больной тетке, единственному родному человеку? Или другим таким же старухам?..

Но уже горел подожженный Жорой кухонный столик, явственно чувствовался запах разлитого керосина, что требовало быстрого вмешательства. Появлялся дворник дядя Леня с двумя сыновьями, упомянутыми мною ранее. Несмотря на отчаянное сопротивление, они быстро укладывали несчастного безногого буяна на пол и тщательно связывали заблаговременно припасенными веревками. Жора продолжал угрожать всем и страшно матерился еще минут пять, потом начинал плакать, очень жалобно всхлипывая и подывая. Еще через пять минут он крепко спал. Зрители, заполнившие коммунальную кухню, расходились, несколько разочарованные...

Точно так происходило все и в этот праздничный день, только "концерт", начатый Жорой, получил неожиданное продолжение: неизвестно, из-за чего, подрались сыновья дяди Лени. Дрались они ожесточенно и самозабвенно, выкрикивая при этом страшные ругательства. Казалось, бойня эта не прекратится никогда, но вмешался отец буянов. То-го, что покрепче, Ваньку, он "вырубил", ударив по шее черенком лопаты, а Колю уложил мощным ударом в нос. После этого он набрал в дворовой колонке ведро воды, которой и "оживил" наследников...

Все это рассказал мне мой друг Витя, стараясь не смотреть на мое опухшее и измученное йодом лицо.

— Вот почему, уважаемые коллеги, — заканчиваю я свой рассказ, — словосочетание "праздник со слезами на глазах" вызывает у меня невольную улыбку. Ведь именно таким и почувствовал я этот поистине великий праздник в далеком 1945-м, и не в переносном, а в самом что ни есть прямом смысле. С праздником! С Великой Победой!

02.02.2015 г.

Р. С. Перечитал написанное и почувствовал, что не сказал самое важное — для меня, потомственного одессита, праздник этот входит в число трех самых главных, которые располагаются (по значимости) следующим образом:

- 1) День Победы;
- 2) День освобождения Одессы;
- 3) мой день рождения.

Таковым является мой личный выбор.

А. Г.

Фото Олега Владимировского.

Илья Гершберг — в Одессе и в Израиле

Сегодня два разворота в нашей газете мы отдаем фотографиям Ильи Гершберга.

"Большое видится на расстоянии". То, что Гершберг — прекрасный фотохудожник, было ясно с 60-х годов прошлого века. Но тогда завораживали его натюрморты, эксперименты в фотопечати; серия ню, что по тем временам было рискованно.

Но оказалось, что непреходящее значение имеют фотографии Гершберга, сделанные в общении с одесскими художниками. Это подлинная летопись неофициальной художественной жизни и, скажем так, полуофициальной.

В этом году в Музее современного искусства Одессы должна состояться выставка работ Ильи Гершберга, и мы увидим гораздо больше работ, чем представлено в газете.

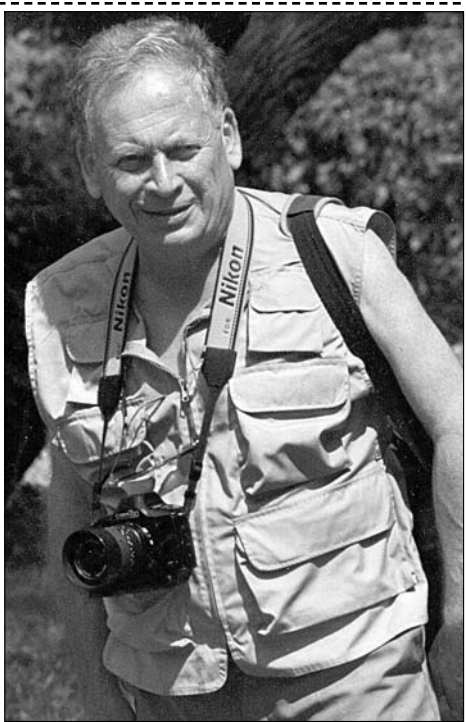
Не прекратил Илья фотографировать и в Израиле, где появилось у него много новых тем, к примеру, армия. Но и там он не забывает об одесских художниках.

Пора искупить вину, ведь очень часто его фото публиковались без упоминания автора, в частности, с "заборной выставки". Я писал о выставке, прилагал фото, приписывая его Михаилу Рыбаку.

Как видите, был неправ.

Фотографии вновь обретают автора.

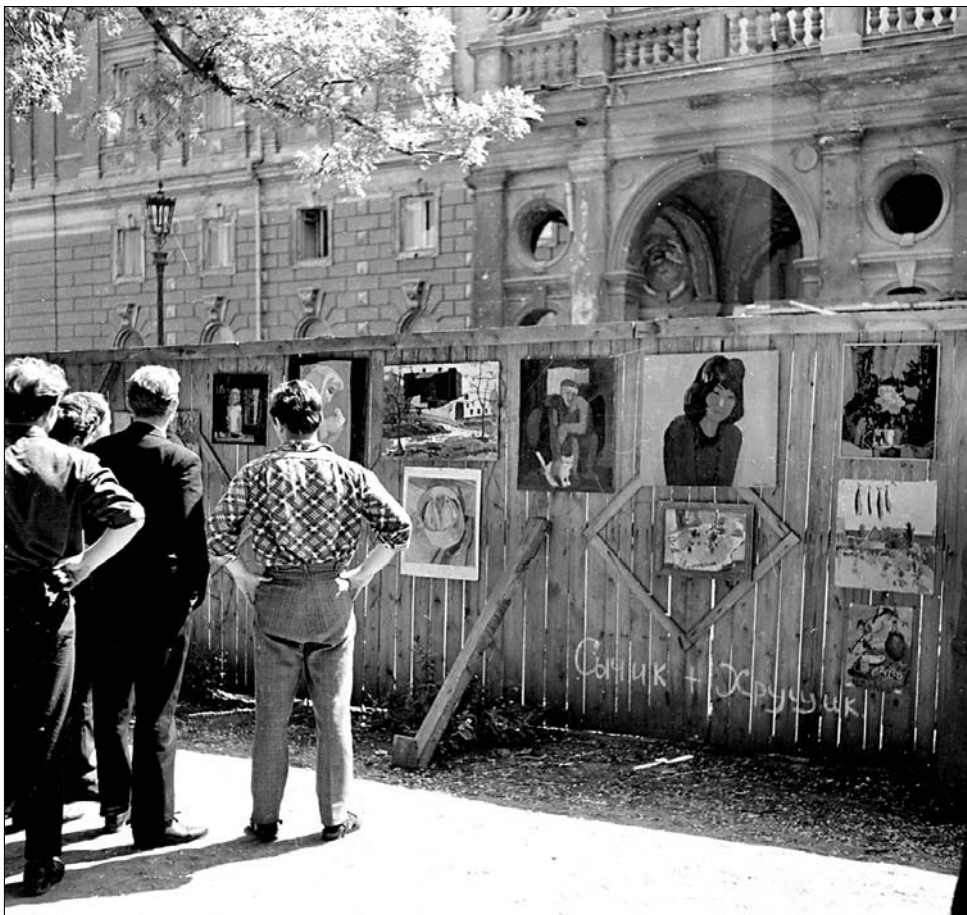
Евгений Голубовский.

Илья Гершберг. Фото Виктора Сокола.

Художник И. Клигман у своей мастерской.

Заборная выставка "Сычик + Хрущик", 1967 г.

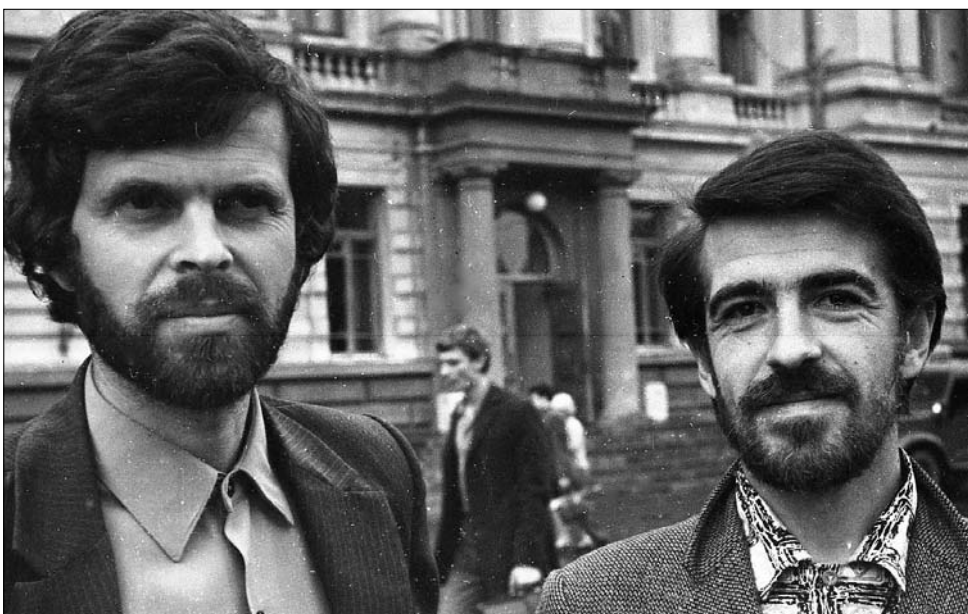
Виктор Маринюк и Елена Марущак.

Олег Соколов с женой.

Художник Л. Дульфан и Е. Голубовский в мастерской.

Художники В. Стрельников и А. Ануфриев.

Художник Лев Межберг с женой Асей.

Художница Эсфирь Серпионова.

Художник Михаил Черешня.

Ефиму Ярошевскому 80 лет

Заглянув в ФБ, удивилась числу френдов Ефима Ярошевского — 1619, правда, бывает и большее, но меня ошеломила скрытая магия этого числа. Попробуйте повернуть его на пол-круга и получим — 6191! И такое (мгновенное увеличение), возможно, реально только в виртуальном пространстве ФБ. Как и друзей общих число-неваляшка (69)... Всё возможно в ФБ! Ефим Яковлевич осознаёт это: "Я — раб Лампы, раб Интернета, раб "Фейсбука"... (впрочем, все мы...).

Время в этом пространстве создает особую пульсацию, пронизывающую каждое сердце, каждую клеточку, и возникает необычное поле эмоционального отклика на ежеминутные события жизни, которые так чутко откликаются в душе Поэта: "Но стоит ледяным ветрам подуть, и ты увидишь, как тебя завертит. Страхись забыться, берегись уснуть: и пишешь, и живешь, и спишь на грани смерти".

В данном случае я намеренно не сохранила рисунок строфы поэта. Меня потрясла нравственная страстность творческой личности, пропускающей все ветра века сквозь себя.

Здесь прошла баррикада —

*по нашей груди
(эту рану — не надо, не бери!).
Мы не знаем, кто рядом, кто там впереди —
то ли друг,
то ли падал на нашем пути?
Что же делать, так надо.
Надежда, веди!
Где душа обливается кровью
и исходит любовью:
среди плах,
и ножей, и жаровен —
там, где мечется огненный птах,
где проклятья кипят на устах —
там я тоже виновен...*

Эта позиция поэта — трепетная, гуманистическая — с годами становится всё острее и острее... Поэт мгновенно реагирует на малейшее отклонение от человечности и это видно сразу же, в ФБ... Он тут же написал о Мариуполе:

"Российские ТВ-каналы обвиняют... украинские (??) войска в обстреле спальных районов Мариуполя — в обстреле своего города! Невероятно, фантастическая низость... Подлость и глупость".

Понятно, почему у Поэта столько читателей и почитателей. Очень приятно было читать, что "в субботу, 17 января 2015 г., в Доме поэтов в Нью-Йорке на презентации 4-го выпуска литературного журнала "Cardinal Points" с моим эссе о Ефиме Ярошевском я (Alla Steinberg) прочла свою версию на английском его двух стихотворений".

Проникая в тело его стиха, в его фразу, удивляешься его игре со словом, со звуком, со смыслами, с рисунком стиха:

"О, обними своих чад, Ниобея, и защиты, на заре голубя, сонных и тёплых детей! Где облака на заре розовее, не оборзей, на ветру бронзовея, и пощади своего иудея там, у заветных дверей! А по-

ка — льнут ко мне влажные сёстры Борея — и, на январских ветрах холодея, кличут: ко мне, иудей!.. (мир не без добрых людей)".

Мраморный шар античной трагедии, перекачиваясь из строфы в строфу, так бы и остался только игрой в звуки ("О, обними, Ниобея, голубя..."), если бы не мандельштамовский приём сталкивания слов. "Сонные и тёплые дети" расширили масштаб личной трагедии женщины, у которой погибают дети, до масштаба Катастрофы!

*Но жил Бог в этой снежной стране,
где ветром забыты рты...
Там играл еврей на одной струне
белой Его бороды...*

Умение сталкивать и соединять, талант находить новые смыслы проявляются во всём. Вот коллаж из старых фотографий, на которых и он, и его мама в одинаковом возрасте...

Какие благородные лица! Времени нет...
Есть неизменность благородства да саркастическая отстранённость как способ выживания в этом изменчивом и весьма недружелюбном мире...

Рука Ефима Яковлевича давно извивающейся линией творит рисунки, на которых чаще всего изображён силуэт гениального Поэта. Внешнее сходство с рисунками самого А.С. Пушкина — только самоирония, а смысл их — поиск защиты, своеобразная молитва своему кумиру и, как бы ни протестовали оскорблённые фейсбучные дамы, и эта грань творчества Ярошевского невероятно интересна!

*Так день и ночь дышал и жил играющий
в поэзию, ночь напролет читающий,
достоинство и честь страны порочащий —
поэт, свои стихи в ночи бормочущий...*

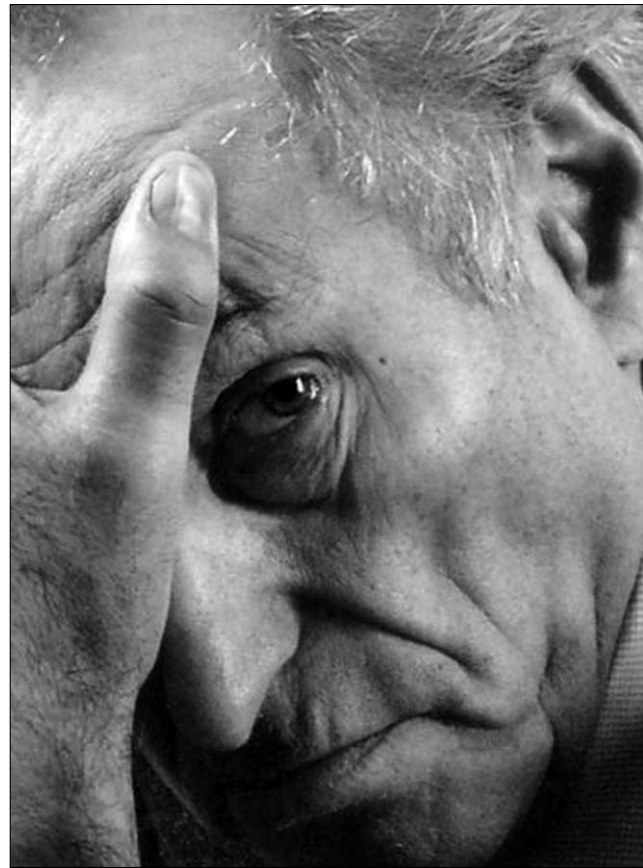
Это, скорее всего, о любимом поэте, а это — уже о себе:

*Какие могут быть шутки?
боль входит ко мне, не шутя.
И вирши мои, прибаутки
глослет она, как дитя.
Когда же в окнах стемнеет
и в палатах погасят свет —
на соседней крыше
закат пламенеет,
как Новый Завет...*

А далее я наталкиваю на строки:

*Все чаще стали сниться сны
про нескорый приход весны.*

И вспоминаю, что ещё одно число созревает к середине марта, ведь в этом году Ефиму Ярошевскому исполняется 80 лет. Возраст патриарха!

Я предчувствую, как интересно будет проживать с нашим героем в магическом пространстве ФБ этот отрезок времени, как грандиозно прошумит это событие, но для нас, для людей прошлого века, нет ничего заманчивей, чем шорох страниц новой книги... Как я жду эту новую книгу, чтобы вместе с автором сказать:

*И вот результат: все у меня в кармане,
все в переплете...
Я могу каждого перелистать перед сном,
как память о лете.
О днях былых и нынешних.
С каждым перебросятся словом.
И сладко заснуть.*

Галия МАРКЕЛОВА.

Рисунки и стихи Ефима Ярошевского.

Стихи разных лет...

Мимо лета, мимо арбалета,
Мимо ядер солнечного света...
Мимо опрокинутой метели
(что давно в России пролетели)...
Мимо гимна, мимо партитуры,
Мимо гениев литературы...
Мимо града, мимо винограда
Кораблей крылатая армада.
Мимо мира, мимо Армавира
Пролетает вольный сын эфира.
Мимо лета, мимо пистолета,
В ожиданье божьего привета.
Мимо революций, мимо бунта
Пронеслась таинственная хунта...

Облака кочуют мимо славы,
мимо загазованной державы.

Мимо горя, мимо керосина
проплывает город Хиросима...

С партитуры усталого негра
Каждый слизывает свой блюз.
Здесь прошла шоколадница Энгра
(Лиотара, знакомого венгра?),
но сказала: я тороплюсь...
(Деве минус, а мне плюс!)
Я уже давно не колюсь...

Не читаю на ночь Коран,
Не курю золотой кальян,
Не базарю... (Правда, Колян?)
Рву цветы с земляничных полей,
Не тревожу больных земель.
И стираю, впадаю в азарт,
Неприличное слово с парт...
(А под партой — Камю и Сартр.)

Я ловлю запредельный драйв,
захожу по дороге в кайф.
Я ложусь в бесконечный дрейф,
я смотрю в опустевший сейф.

Там последний на свете гой,
предпоследний на свете гей
и последний живой еврей...
В парусах там ветер тугой
— и родной вертухай у дверей.
...впрочем —
избегаю уличных драк,
попадаю в сырой овраг,
выпадаю в чужой теракт...
...За окошком — промозглый март.

ОДЕССА, 60-е...

Дождь утихал.

Мы расходились поздно,
как заговорщики в ночи. И каждый
прислушивался долго и тревожно,
как затихали гулкие шаги
товарища. Мы были одиноки
и счастливы...

В порту спросонок выли
охрипшие сирены пароходов.
Накинув капюшон,
ходил вдоль ночи
дежурный постовой.
Холодный ветер по мокрым рельсам
убегал ко вокзалу...

...Ночь пеленала
в осторожном ливне
усталый, успокоившийся город.
Кариатиды зябли на ветру,
впиваясь в мрак
незрячими глазами.

И море,
как медведь в своей берлоге,
ворочалось и не могло уснуть.

ВЕСНА, ДВОР...

Пока еще в уборных тьма
стать предрассветной тужится,
вольфрама ниточка одна
подслепогато мружится.

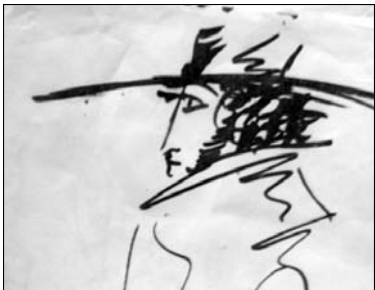
Пока еще кипит во рту
ночное электричество,
перегоняет небо ртуть
из качества в количество.

Пока холодное депо
полно пустот и сырости,
и полон двор сырых грибов,
и им уже не вырасти;

пока еще у сосен грипп,
и им не скоро выздороветь,
весне не выйти из игры б —
но только б раму выставить;

большими зубками рассвет
посасывает лампочки,
сырой парадной слабый свет
ночь делит пополам почти.

Пока губами сквозь туман
еще деревья всхлипывают,
пока еще идет роман,
пока перо поскрипывает,

пока свежи на строчках швы
и смысл еще не выскользнул —
застать бы мир еще живым,
еще сырым, невысказанным!..

ОДЕССКИМ ХУДОЖНИКАМ
ШЕСТИДЕСЯТЫХ...

Пока на холсте серебрится, плывет,
и трепещет, и блещет
заветная рыбка Хруща,
пока кувыркаются птички, и рыбки,
и перья Дульфана
на шляпах прохожих,
и море у рта закипает, и мастер
живет, и рисует,
и спит наяву, трепеща,
и он одинок, и несчастлив,
и счастлив в беде, и тоскует;

пока в зеркалах мастерских
отражается сумрачный мир,
и око художника жадно вбирает
в себя ненасытно изгиб Афродиты,
и спит, развываясь на прохладных
подушках, трусливый эмир,
и можно сказать одичалому хаму,
и хану, и гунну: "Иди ты!..";

пока мадам Нудельштофер снимает
с веревки свое золотое белье —
оно, слава Богу, сухое —
ее еще любят мальчишки! —
и Рихтер следит из окошка,
как месяц восходит
(ползет, пробираясь
по крышам кошачьим, жулье,
звезда могоендовидом ходит
туда и обратно, и нет ей ни дна
ни покрывки);

пока оголтелое солнце
стекает по лезвию кисти, ножа,
пока польхает свеча,
и море за окнами бродит и пучится
в утреннем блеске,
и рыба священна —
до тех пор мы живы,
и снова зовем почитателя, зрителя,
критика, друга, врача
(палача, стукача!),
и, кажется, краска
и слово поэта,
как Слово Господне —
нетленны!

ВЕСНА 45-ГО...

Просыпаюсь рано поутру:
за окном отец мой на ветру.

Ждет, когда закончится метель.
Переждать бы эту канитель!

Поздно... Мутно небо. Ночь мутна.
Улица белее полотна.

Утро, ночь ли — не видать ни зги.
Камни прочно встали, как враги.

Черный забинтованный трамвай.
Дед роняет хлеба каравай.

Папа входит в сумрачный подъезд.
За спиной — война, Россия, Брест.

Долгая горячая страда,
битая незрячая страна.

Из развалин тянет тишиной,
теплым ветром, гильзами, травой.

Позади — беда и лазарет.
Впереди — Синай и Назарет.

Танки, разогретые весной,
лето сорок пятого и зной.

Папа —
рослый, сильный, молодой —
весело справляется с бедой.

И, не зная, что сказать весне,
мама улыбается во сне...

Вадим ПЕРЕЛЬМУТЕР

Фрагменты о Пастернаке

Для начала — записанный мною некогда рассказ Аркадия Штейнберга.

В шестидесятом, накануне похорон Пастернака, он поздним вечером приехал из Та-русы и сразу лег спать.

В начале седьмого его разбудил телефонный звонок. Спросонком он не сразу узнал голос приятеля, поэта Александра Ойслендера: "Это квартира Штейнберга?" — "Да". — "А кто у телефона?" — "Хозяин". Долгая пауза. Потом — нерешительно: "Аркадий, как ты себя чувствуешь?" — "Неплохо, но не настолько, чтобы спрашивать меня об этом на рассвете"... На том и простились, оба — недоумевающие.

И тут началось, словно по сигналу. Звонок за звонком. И всякий, услышав раскатистое баритональное "Аллёу!" Штейнберга, почему-то терялся, что-то мямлил, а потом... ин-тересовался самочувствием. Так — до самого отъезда в Переделкино.

На обратном пути попутчик и старинный друг Николай Оттен объяснил, наконец, в чем причина столь назойливо-странный и массо-вой заботы о здоровье Аркадия.

В один день с Пастернаком умер извест-ный историк-востоковед, переводчик класси-ческой персидской литературы и прозаик-ро-манист Евгений Львович Штейнберг. Загля-нув вчера в Союз писателей, Оттен застал там жуткую панику, ужас перед переделкин-скими похоронами, которые, неровен час, выльются в какую-нибудь антиправительст-венную манифестацию. Все бегали, суети-лись, размахивали руками, понять ничего нельзя. Улучив момент, Оттен перехватил на бегу одного из союзписательских чиновников и говорит ему, что, мол, Пастернак Пастерна-ком, но вот и Штейнберг помер, надо хотя бы некролог в "Литературке" поместить. А тот в ответ: "Уже пишут. В секции поэтов". — "С какой стати — поэтов?" — "Так ведь Арка-дий Штейнберг — поэт!" — "Но Штейнберг, который умер, Евгений, — отнюдь не поэт". Поглядел собеседник на Оттена безумным взглядом и опрометью бросился на второй этаж, Оттен за ним. Успели в последний мо-мент: готовый текст собирались в редакцию передавать по телефону.

Аркадий Акимович очень сердился на Отте-на за усердие. "По его милости дурацкой, — говорил, — мне уже никогда не прочитать о себе всяких потрясающих слов".

По небольшому этому трагифарсовому фрагменту можно вообразить, какое смяте-ние в те дни охватило "официальных лиц" не только в Союзе писателей...

Эхо скандала, разразившегося в пятьдесят восьмом, сразу по присуждении Пастернаку Нобелевской премии, не затихло — за грани-цей — и после смерти поэта.

Год спустя вышла его книга "Избранное" — неброская, в блеклом голубовато-сером пе-реплете, тон коего весьма верно соответст-вовал содержанию, тщательно, проверенно подобранному. Кроме стихотворений, вхо-дивших в прежние книги, а последняя из них появилась восемнадцать лет назад, — "отте-пельный" цикл "Когда разгуляется" (1953 — 1959), уже разрозненно почти весь опробо-ванный в журналах, но впервые напечатанный целиком, да поэмы, разумеется, "революци-онные". И, само собой, ни намек на "Стихи из романа".

Книжка та была как бы посмертным смягче-нием отношения властей к Пастернаку — и демонстрацией этого смягчения Западу. Для чего ему, Западу, и уделили, так сказать, "выставочную" часть немалого, по его, Запа-да, меркам (а для поэтических книг — прямо-таки огромного), тиража.

Примерно четверть оставшегося была мол-ниеносно распродана в Москве и Питере, остальное распылили по провинциям, чем глубже, тем лучше. И некоторые мои знако-мые покупали эти пылинки даже лет семь — восемь спустя — кто в Ухте, кто в Уссурийске, кто в Чимкенте...

В середине шестидесятых стихотворец Сергей Васильев, один из тех, кому доверено было представлять советскую литературу в капиталистической "загранице", воротив-шись из очередной такой поездки, выступал-рассказывал о ней в ЦДЛ и гневно жаловался. Мол, куда ни приедешь, непременно задают "провокационные" вопросы, причем одни и те же: почему в СССР не издают Пастерна-ка, Ахматову, Мандельштама. Отвечаем: не пользуются читательским спросом. А они улыбаются ехидно, не верят...

Но это — к слову.

Я ту книжку в магазинах словить не сумел. Однако был у меня тогда ценный знакомец:

торговал книгами в киоске у "Детского мира", а потом — в подземном переходе к первопе-чатнику Ивану Федорову. Обратиться к нему сразу — в голову не пришло: не на улицах же станут "Пастернаком" торговать! Но в конце следующего года упомянул в разговоре с ним о той непоправимой неудаче своей. А он в от-вет: есть, говорит, у меня Пастернак, оставил "про запас", только не продам — в обмен дам, у тебя, говорит, ведь есть знакомые лет-чики "с Севера", добудь у кого-нибудь из них теплые штаны для меня, очень я тут мерзну...

Про "знакомых летчиков" я сам как-то ему вскользь упомянул — в Рижский институт гражданской авиации, где тогда учился, они временами приезжали на какие-то курсы, то ли "повышения квалификации", то ли, вер-нее, для ознакомления — теоретического — с разными техническими новинками в само-лётной "начинке". Жили они в нашем обще-житии. Вечерами мы с ними в карты играли да болтали. Ну, я, вернувшись в Ригу, и спро-сил — "про штаны". И чуть не самый молодой из них, из полярных, если верно помню, Ва-лера, сказал, что есть у него такие — только что новую форму получил, а старые — бери, если хочешь.

Месяца через два, прилетев в Москву, об-менял я "Пастернака" на "полярные штаны"...

Лет пятнадцать спустя у Льва Озерова уви-дел однотомник Пастернака из "Библиотеки поэта" — без переплета, только сшитый-склеенный блок, и на титуле — несколько не-разборчивых подписей и дата: 26/V 1965.

Озеров приехал в Питер, расплавленный редкостным для конца мая зноем. И отпра-вился в местное отделение "Советского пи-сателя", где годом без малого раньше был сдан в набор составленный им и пропущен-ный через сито разнообразных редакцион-ных страхов и ужасов том нобелевского лау-реата-отказника. Подготовка этой книги, по словам Озерова, стала чуть не первой ли-тературной реакцией на снятие Хрущева — и упованием на новую "оттепель".

В редакции — один-единственный, томя-щийся духотой и бездельем сотрудник, да и во всем издательстве его коллег — по пальцам сосчитать, остальные на дачах или на юге... На вопрос — ткнул пальцем в папки с корректурой. Набор, наконец, готов, даже выправлен. Только вот "главного" нету, а без него — кто рискнет связываться с цензурой...

Озеров тут же предложил на эту роль себя. Редактор оживился: а почему бы и нет! — не просто "составитель", но и член официальной Комиссии по литературному наследию Пас-тернака при Союзе писателей, известный по-эт, профессор Литинститута и прочая.

Сбежал редактор к кому-то, заменявшему "все начальство", позвонили в цензуру, там не против.

Озеров папки в сумки — повез. И — та же картина: пустынно, один молодой, тридцати нет, цензор маяется безработицей. Посетите-лю обрадовался: Пастернак, говорит, люби-мый поэт, книга согласована, какие пробле-мы?! Полистаю часок, а вы пообедайте пока, думаю, успею. Так и вышло.

С цензорским штампом и подписью — об-ратно в издательство: что дальше? Можно и в типографию — печатать. Правда, неизве-стно — возьмут ли сразу, не завалены ли ра-ботой? Надо бы позвонить...

А типографский начальник тоже покла-дист — наряд готов выписать, только вот с метранпажем и рабочими сами договари-вайтесь.

Несколько бутылок водки, портфеля заку-ской набит, папки под мышку — и в типогра-фию. Метранпаж улыбается: сейчас как раз вторая смена в разгаре, с ними говорить нет смысла, а вот если попозже, может быть, те, кто в ночную выйдут, вызовутся, у них сегодня дел негусто. Словом, согласились печатники охотно, предвкусывая вознаграждение-возлия-ние. Среди ночи Озеров прикорнул в како-то кабинетике, на диване. А часов в семь бу-дят — показывают этот самый блок, готовую книжку, только переплести, к сожалению, не могут: переплетный цех ночью не работа-ет, опечатан, если к вечеру заглянет, получит в лучшем виде.

Он вместо этого и сотворил раритет: заста-вил всех, кто работал, расписаться на титуле, число проставил и — книжку в портфель. Вы-пил с ними слеска, оставил пировать, а сам — в гостиницу.

И около "Европейской" в восемь утра встретил... Галича, только что вышедшего от друзей, у которых заночевал. Галич книгу рас-крыл, к лицу поднес, типографскую краску понюхал: "Надо бы выпить по такому случаю за Бориса Леонидовича!" Так и сделали — в гостиничном буфете, как раз к открытию по-дроспели.

В августе тираж однотомника распылился по магазинам и мгновенно был раскуплен.

В сентябре арестовали Синявского, автора предисловия, точнее, первого о Пастерна-ке — посмертного — очерка-монографии.

Кабы не Озеров и не та цепочка случайно-стей-совпадений, скорей всего, лежать на-бору все лето бездвижно. И книга не появи-лась бы...

Выход пастернаковского однотомника стал событием поэтическим, историко-литератур-ным, более того — просто историческим. По-тому, во-первых, что решительно подправил "новейшую" историю литературы, дал уви-деть многим, кто не видел прежде — по ма-лой доступности старых его книг, что Пастер-нак — гениальный поэт, а не только, не столь-ко автор скандального "лауреатского" рома-на. А во-вторых, поутихшее было за полде-сятка лет эхо дела о "Докторе Живаго" воро-тилось, умноженное резонансом зарифмо-вавшихся судеб. Автор первого за много лет замечательного исследования поэзии Пас-тернака был предан советскому суду ровно за то же, за что травили его героя — за публи-кацию своих сочинений за границей.

В начале восьмидесятых Озеров говорил мне, что очерк Синявского — лучшее из чи-танного им о Пастернаке. Ныне "библиогра-фию" написанного на всех европейских язы-ках о втором российском нобелевском лите-ратурном лауреате можно собрать в несколь-ко увесистых фолиантов. Однако я и теперь считаю, что этот очерк — "томов премногих тяжелей".

Изначально "освещение" в советской печа-ти процесса Синявского и Даниэля живо на-помнило о громком "деле Пастернака". Не только у нас, но и — более — за границей. И словесно, и, можно сказать, визуаль-но. По-тому что пятью годами ранее в тамошних ре-портажах с переделкинских похорон броса-лась в глаза фотография — вынос гроба из дома, на переднем плане — Синявский и Да-ниэль...

Правда, "застрельщик" новой кампании Дмитрий Еремин, пустивший в журналист-ский оборот слово "перевертыши" (так име-новалась первая — его — статья о процессе), был пожизне прежнего. Ведь "охоту на Пас-тернака" объявил не кто иной, как сам Давид Заславский. Однако до зимы шестьдесят ше-стого он не дожил, помер весной шестьдесят пятого. Кабы не это, глядишь, Синявский с Даниэлем угодили бы в замечательную ком-панию его "жертв". Это был знатный охотник.

Отступление о Заславском. С эпиграфом: "Всех учили. Но зачем ты оказался первым учеником, скотина такая?" (Евгений Шварц. "Дракон".)

В начале века — меньшевик, бундовец: один из первых авторов статей о "еврейском вопросе" в России. В восемнадцатом — пуб-лицист в денкинских газетах. Годом позже покаялся перед большевиками, был прощен и отправлен исправляться... в "Правду". В партию вступил в тридцать четвертом, пы-тался и раньше — не принимали, пока не при-нес рекомендацию... от Сталина.

В двадцать девятом громил Мандельшта-ма. В тридцать шестом — Шостаковича, кото-рый всю жизнь был уверен, что "редакцион-ная" статья "Сумбур вместо музыки" была на-писана самим Сталиным, — четверть века на-зад в архиве обнаружена рукопись Заслав-ского. Попутно оттоптался на формалистах Конашевиче и Лебедеве — "О художниках-пачкунах".

В сорок первом "зарубил" в "Советском пи-сателе" книгу Цветаевой.

В сорок восьмом — единственный из чле-нов уничтоженного Еврейского антифашист-ского комитета, кто не предстал перед судом даже в виде "свидетеля". И вскоре обернулся активистом антиизраильской пропаганды.

В сорок девятом клеймил Юзовского — в статье "Об одной антипатриотической груп-пе театральных критиков".

Наконец, в пятьдесят восьмом — Пастер-нак... Повод ясен. Но была и причина: ведь именно он дюжиной лет раньше председа-тельствовал на вечере в Политехническом, где явление на сцену Пастернака было встре-чено овацией. Ну, как такую-то вину да не за-гладить!

Едва ли кому другому удавалось на протя-жении долгой жизни ошелмывать столько-же самых ярких своих современников.

Излагаю лаконичной хроникой. Впечатляю-щие промежуточные ситуации и подробности оставляю на поживу беллетристам. Не моего письма дело...

Впрочем, Еремин тоже был не без заслуг. Властное признание и Сталинскую премию он обрел еще в конце сороковых. За роман "Гро-за над Римом", яростно обличающий Ватикан за благословение фашизма и сотрудничество с Муссолини. В Италии, правда, автор не бы-вал, но книжка и там его прославила. Ватикан-ский еженедельник публиковал из номера в номер перевод — без комментариев. Знако-мая славистка рассказывала мне, что ита-льянцы хохотали так, будто ничего смешнее от-родясь не читывали. Так что обличитель "пе-ревертышей" был выбран без промаха...

У Пастернака в "Нобелевской премии":

Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу хода нет.

Внезапно возникает отчетливый отклик когда-то, еще в двадцатом году, написанных стихов Цветаевой, подсознательной ассоци-ации с трагизмом ее судьбы:

Было дружбой, стало службой.
Бог с тобою, брат мой волк!
Поддыхает наша дружба:
Я тебе не дар, а долг!

Пастернаковский зверь — конечно, волк, даже, вернее, волк-одиночка: "загон — пого-ня — наружу ходу нет" — описание охоты на волка, со всех сторон обложенного, окружен-ного красными флажками-стягами по грани-цам страны...

Едва ли осознанное — в отчаянии — воспо-минание о Цветаевой.

И отзвук естественно возникшего в рус-ской поэзии начала тридцатых мотива "Смер-ти волка" Барбье, откуда произошли и "Вол-чья облава" Штейнберга (1930), и "век-волко-дав" Мандельштама (1933).

В шестьдесят восьмом бывший студент Си-нявского в Школе-студии МХАТа Высоцкий спел собравшимся у Розановой друзьям до-ма только что написанную "Охоту на волков". И всем было ясно — о ком и о чем...

Все, что поэт пишет, он пишет о себе. За два года до Нобелевской премии в "За-метках к переводам шекспировских траге-дий" Пастернак не просто сказал, но резко, с нажимом, что все стихи в трагедиях Шекс-пира — не более чем подступы к его гениаль-ной прозе.

Очень похоже на то, что говорил он о своих стихах — и романе.

Тогда же в "Людах и положениях" он язви-тельно сыронизировал, что Пушкину "следо-вало жениться на Щеголеве и позднейшем пушкиноведении, и все было бы в порядке". И подчеркнул (последняя фраза главы — как последняя строчка стихотворения), что "пе-рестал бы понимать Пушкина, если бы допу-стил, что он нуждался в нашем понимании больше, чем в Наталии Николаевне".

Очень похоже — пытался защитить Лару, героиню своего романа.
Не удалось...

"Не надо заводить архива"...

Но сказано другим классиком: "Дела по-эта — слова его".

Пастернак как в воду глядел: именно с его архивом связан самый громкий скандал по-следнего десятилетия прошлого века.

Отнятые у Ольги Ивинской при аресте и конфискованные при осуждении бумаги по-пали в ЦГАЛИ. Дело, как известно, было явно липовое. Отсидев и добившись реабилитации, Ивинская попыталась — через суд — вернуть себе архив, тем более что Пастернак к тому времени снова превратился из отще-пенца в великого поэта.

В канун решающего судного дня Никита Ми-халков посулил привести добровольцев, гото-вых силой отстоять, не отдать "национальное достояние" наследникам той, кому оно было за-вещано. Впрочем, геройствовал он понапрас-ну: суд узаконил, верней сказать, узаконил "отчуждение" рукописей в пользу более прие-млемых для него, для государства, наследников.

Кто бы сомневался в его, государства, уме-нии извлекать пользу...

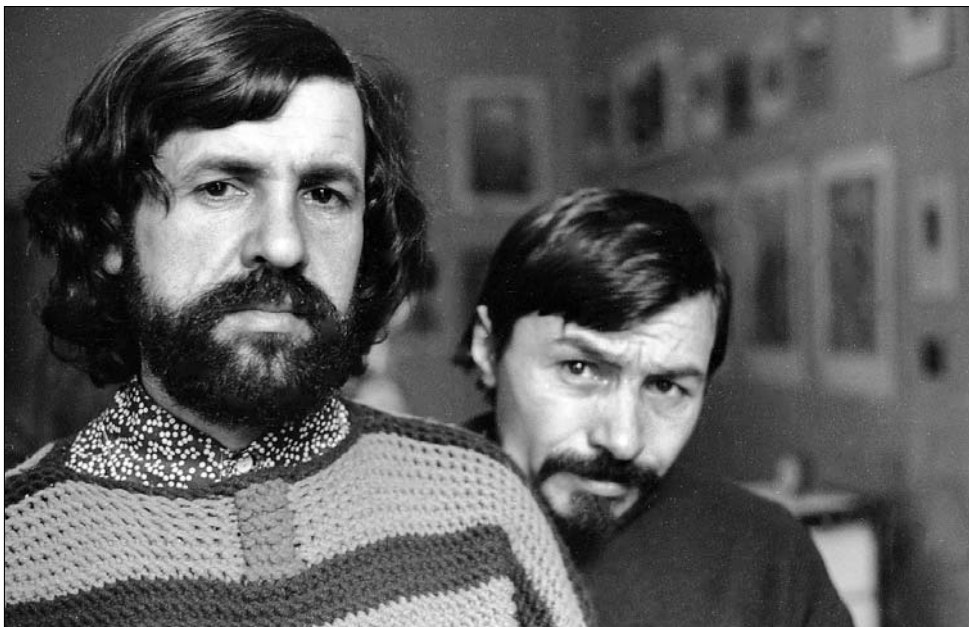
Это было, напомним, уже после "реабилита-ции" и юбилейных торжеств девяностого го-да, с грандиозной выставкой в Музее изящ-ных искусств.

Долгое эхо пятьдесят восьмого. Сорок лет...

...Что ж, мученики догмата,
Вы тоже — жертвы века.

Илья Гершберг — в Одессе и в Израиле

(Начало на стр. 4 и 5.)

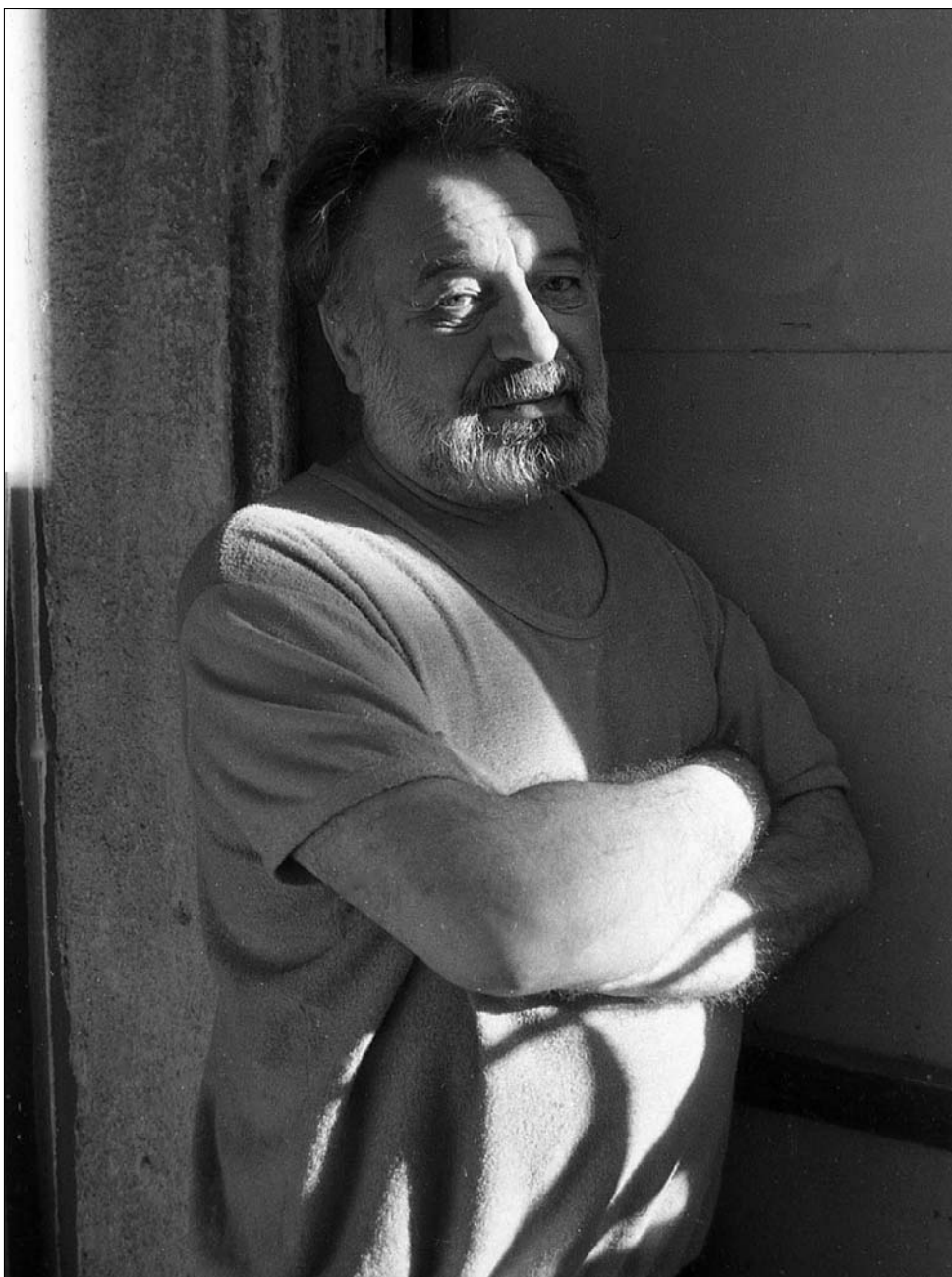
Художники В. Маринюк и В. Хрущ.

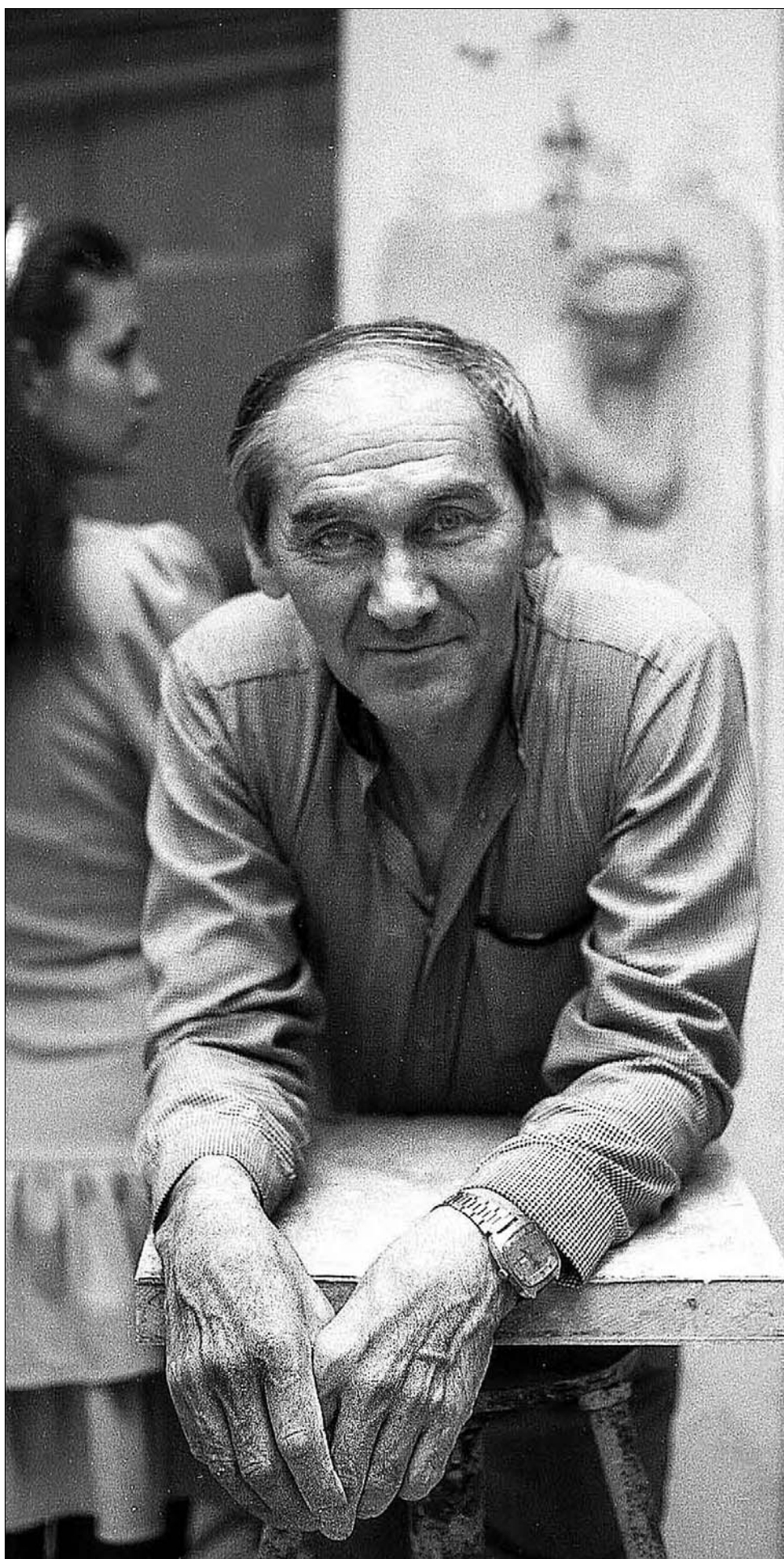
Художник Александр Рихтер.

Директор фильма М. Новикова на выборе натур.

Художник М. Ивницкий.

Скульптор Ким Литвак.

Художница и педагог Д.М. Фрумина.

После выставкома. Во дворе Союза художников.

Андрей ДОБРОЛЮБСКИЙ

Город Витрувия и Де Волана

"Произведение архитектуры... должно отвечать требованиям эвритмии-гармонии — прочности, пользы и красоты..."
Витрувий. "De architectura".

Античные принципы закладки и обустройства едва ли не всех городов на юге Украины, основанных во второй половине XVIII века, объясняются духом и соответствующей модой эпохи классицизма. Ее девиз сформулировал "отец археологии" Иоганн Иоахим Винкельман: "Единственный способ для нас быть великими, если возможно, неподражаемыми — это подражание древним". В этом отношении первый план Хаджибея-Одессы, составленный де Воляном зимой-весной 1794 года, свидетельствует, что Одесса была задумана как античный город с самого начала. В нем де Волян воплотил в жизнь древнейшие традиции и опыт градостроения античной цивилизации, который был обобщен римским архитектором и инженером Марком Витрувием Поллионом в трактате "De architectura".

В античной ментальности любые существенные действия, заполняющие человеческую жизнь: рождение, брак, смерть, основание города, храма или дома, освоение новой территории и т. п. — обладают значением и ценностью не сами по себе, а как повторение мифологического, идеального образца, как воспроизведение некоего прайдействия. Это — представление об отделеении богами тверди от хляби, о выделении упорядоченного пространства из первозданного хаоса как об изначальном акте творения. Овладение новой землей, будь то на основе ее захвата, будь то в результате открытия, становилось подлинно реальным в переживании каждого, только если с помощью точно исполненного ритуала в нем обнаруживалось повторение изначального мифологического акта творения.

Так, в частности, объяснялись обряды закладки городов у древних римлян еще в эпоху Ранней империи. Проведя ночь у костра, основатели будущего города втыкали в землю шест (или копье), следя за тем, чтобы он стоял строго вертикально. И когда шест, озаренный первым лучом восходящего солнца, отбрасывал на землю длинную тень, по ней поспешно **проводили плугом борозду**, определявшую направление первой главной улицы — "декумануса" (decumanus ager — поле, с которого взимается десятая часть продуктов); к ней выставлялся перпендикуляр, становившийся второй главной улицей — "кардином" (cardinis — ось, небесный полюс, граница). У места их пересечения возникало ядро города, центр, одновременно деловой, общественный и сакральный. Происходило как бы заклятие неупорядоченной первоздан-

ной природы; на ее хаотическую пустоту, повторив первичный акт творения, оказывалась наложенной четкая геометрия порядка и воли.

Видимо, все эти соображения были органично присущи основателям Одессы, "культурным героям" классицизма — Иосифу де Рибасу и Францу де Воляну: "В тот же день (рождения Одессы, — **А. Д.**) была проведена **первая борозда** для фундаментов городских строений" [1, 8]. Это означает, что основатели города строго соблюдали античные ритуальные действия. Действительно, в Римской империи, от Атлантики до Двуречья и Причерноморья, возникают схожие города, с одной и той же основной, "декуманусной" магистралью, которую в центре пересекает другая магистраль "кардина"; у их скрещения одна и та же площадь, на которой стоят одни и те же здания: базилика, храм Капитолийской триады, рынок, храм императора. Неподалеку от центральной площади находятся термы, амфитеатр, театр или цирк — место для зрелищ, тоже носивших сакральный характер. В определенное время там происходили выборы руководства гражданского коллектива.

Несмотря на греческие наименования, новые города в Российской империи, основанные во второй половине XVIII века на отвоєванных территориях, планировались по римским образцам. Это наблюдается решительно во всех случаях. Чаще всего это происходило без учета условий местности — сетка прямоугольных кварталов, рассеченных меридиональными и широтными улицами, механически накладывалась на избранное для города место. Отклонения от меридиональной ориентировки немногочисленны и допускались лишь в связи с существенными ландшафтными помехами.

Незначительно отклонялись от меридиана и основные улицы Одессы и Овидиополя — городов, проектировавшихся де Воляном. Попытаемся проникнуться его замыслом первого плана Одессы.

"План города Гаджибея", разработанный де Воляном и утвержденный Екатериной II 27 мая 1794 г., считается первым основным проектом города. Это эскизная схема, из которой впоследствии заимствовали размеры кварталов, улиц и принцип композиционного построения. Отклонение от строгой меридиональной ориентировки в литературе объясняется необходимостью использовать естественную параллельность Военной и Карантинной балок и сместить тем самым трассировку ведущих к морю улиц Военного форштадта от строгой оси север — юг. Это, на первый взгляд, кажется очевидным.

Между тем известно, что план составлялся де Воляном на местности зимой 1794 г. Именно в это время солнце над Одессой вос-

ходит с отклонением к юго-востоку. Солнечные лучи в середине зимы идут вдоль улиц, параллельных нынешней Ланжероновской. Азимут восхода солнца, считаемый от точки севера по часовой стрелке, в середине января (по старому стилю) составляет около 120 градусов*). Это означает, что упомянутый "принцип композиционного построения" оказывается в полном соответствии с описанным древнеримским ритуалом "декумануса" как раз для того времени года, когда составлялся "План..." (левый рисунок).

Действительно, на рассматриваемом "Плане..." ряды улиц, параллельные нынешней Ланжероновской, направлены к точке восхода солнца в январе, а потому образуют линии декумануса. Тогда все перпендикулярные улицы (параллельные нынешней Ришельевской) образуют линии кардина. Изначальное деление Одессы на кварталы и участки, таким образом, восходит к древнейшим римским сельскохозяйственным нормативам распределения земли. "План...", таким образом, доказывает, что римская градостроительная идея в него была заложена еще на уровне первичного замысла.

Место, где де Волян с де Рибасом установили символическое "копье", "маркируется" археологически обнаруженным в 1995 г. обрядом основания Одессы. Этот обряд был совершен при закладке первого дома Одессы 22 августа 1794 г. (по старому стилю) [2, 218 — 221] примерно полгода спустя после составления "Плана города Гаджибея", который Одессой еще тогда не был назван. Но участники обрядового действия заранее вели себя, как античные "культурные герои", "обустраивающие" будущий город (ритуальное возлияние, закладка монеты, сломанное оружие и т. п.)**. Именно эту точку де Волян обозначил его исходным центром. И, если находиться в этой точке на незастроенной местности при восходе солнца в середине января, то оно встанет над морем, прямо над Карантинной балкой, в том месте, где в нее ведет нынешний Ланжероновский спуск.

Сказанное позволяет полагать, что пер-

***) Вычисления проведены А.П. Челомбитско (астрономическая обсерватория Одесского университета). Все азимуты вычислены от точки севера на восток, по часовой стрелке. Максимальное значение азимута восхода Солнца 22 декабря (по новому стилю) — 125°, минимальное, 22 июня — 55° (округление с точностью до одного градуса).**

****) Точно на этом месте, в кофейне грека Симона Аспорида, встретил Иосиф де Рибас утром 14 сентября 1789 г. восход солнца — солнца своей победы над Хаджибеем (азимут 90 градусов). Хаджибей пал между 4 и 5 часами утра. Солнце в этот день восходило точно на востоке (см. выше).**

вой главной улицей Военного форштадта — декуманусом — была задумана будущая Ланжероновская улица. Тогда кардином становилась будущая Ришельевская. Этим де Рибас с де Воляном предопределяли общественный и сакральный центр города. Здесь был заложен первый дом — князя Г.С. Волконского. И, как известно, первый социокультурный эпицентр будущей Одессы в конце XVIII — начале XIX в. (дом Ришелье, театр, гостиница Рено, аристократический клуб, коммерческое казино, ресторация Оттона, биржа, дворец Ланжерона, плац-парад) образовался именно здесь же.

Военная и Карантинная балки используются как спуски из города в порт, с ними же увязана и трассировка "кардинных" и "декуманусных" улиц. Получается, что не одна лишь естественная параллельность балок предопределяла отклонение этой трассировки от строгой линии север — юг, а их изначальная "кардинная" направленность. Это обусловило выбор де Воляном на побережье залива такого конкретного плато, где планировка оказалась бы в полном соответствии как с античной градостроительной традицией, так и с условиями местности. Именно плато, ограниченное "кардинно" ориентированными Военной и Карантинной балками, отвечало нужным условиям — лишь на нем можно было оптимально соединить систему прямых улиц с требованиями античного обряда. Так было выделено основное, "сакральное" ядро будущего города. Его западная, "профанная" часть (Греческий форштадт) проектировалась уже на другом плато, под углом 45° к основной сетке и рассматривалась как периферийная.

Однако и такая планировка Греческого форштадта оказывается не случайной. Если перенести на него "декуманусные" линии, то им будут соответствовать улицы, параллельные нынешней Тираспольской, а "кардинные" — Нежинской. В таком случае азимут восхода солнца составляет около 75 градусов. Такое расположение улиц Греческого форштадта соответствует линии декумануса на 22 августа по старому стилю — день основания Одессы. В этот день солнце восходит ровно под углом в 45 градусов по отношению к плану Военного форштадта, одинаково равномерно освещая, таким образом, его декуманусные и кардинные улицы. Можно видеть, что день торжественной закладки Одессы был избран ее основателями заранее и сознательно, из вполне научных соображений.

Можно видеть и другое — именно в день рождения Одессы "кардинная" ось Греческого форштадта, по замыслу де Воляна, становится солярной осью для всего города, его действительным "небесным полюсом". В таком случае солярный центр Одессы оказывается на стыке Военного и Греческого фор-

Александра СВИРИДОВА

Смерть Варлама Шаламова

"Крайне бестолков, задаваемых вопросов не осмысливает. Пытался укусьить врача".

Последняя запись в истории болезни В. Шаламова.

17 января 1982 года в центре страны, в столице СССР городе Москва, остановилось сердце Варлама Шаламова. Писателя-летописца ада, созданного советскими людьми для своих же — соседей и родственников. По праву человека, сделавшего в 1990 году первый фильм о нем, я стараюсь напоминать о том, что он был. Только что — в то самое время, когда мы были и ходили с ним одними улицами. И не знали... Ни прозы его, ни его самого. Фильм вышел только в 1991-м — после провала августовского путча ГКЧП.

С тех пор меня не раз спрашивали, как возник интерес к В. Шаламову. И я признаюсь: не было у меня интереса. Не было даже такого слова — "Шаламов". Была Украина, маленький южный город, заросший акацией, август пятьдесят первого. Я появилась на свет в чудом уцелевшей после войны семье и лет до пяти жила в благости неведения. У меня была самая лучшая бабушка, за которую можно спрятаться, если за тобой гонятся, и которая вылечит от всего, если что-то болит. В соседнем городе был папа, который слал телеграммы на красивых бланках с цветами. И ветром вокруг кружилась самая красивая на свете мама. Такая красивая, что на нее было

больно смотреть, как на солнце. Ее было видно издалека, как пожарную каланчу у базара: такая высокая. С выщипанными каштановыми волосами, тонким профилем, горделивой осанкой и царственной походкой. К ней у меня был интерес: где она, куда ушла, когда придет. Мама тоже лечила больных, но не ласково, как бабушка, а строго. И длинные красивые ее пальцы были холодными, а бабины — теплыми даже зимой.

Мир вокруг был понятным, состоял из травы и деревьев, птиц на ветках, кошек под ногами, собак в подворотнях и лошадей, что, цокая копытами, тащили телеги по булыжной мостовой. Когда настало время идти в школу, город зашелестел, как кроны акации в дожде, все зашептались, и два новых слова торглись в быт: "двадцатый съезд". Кто-то входил в нашу маленькую квартиру, брал какую-то книгу, какую-то оставлял. Бабушка заваривала из муки клейстер, подклеивала рассыпавшуюся газету, в которой все что-то читали. Кто-то всхлипывал, кто-то плакал. Потом бабушка стала дважды проверять, заперла ли дверь. Прислушиваться к маминим шагам, когда та поздно возвращалась домой. А потом и вовсе они стали поднимать тяжелый чугунный болт, висевший в углу в коридоре еще "с погромов", как говорила бабушка, и накладывать его на ночь на крюк, запирая дверь изнутри. А в переулках слева и справа от нашего квартала появились новые люди. Разные,

но с одинаково белесыми лицами и жадными цепкими глазами. Сосед Колюня окликнул меня, когда я шла с маленьким бидончиком к цистерне за молоком, и важно представил "брательнику". Тот придиричиво оглядел меня, спросил, где батя, выслушал, что он с нами не живет, и одобрительно кивнул. А дальше другие пацаны расхвастались другими "брательниками", что "откинулись" с зоны, и улица разделилась: одни обступали брательников, слушали их рассказы, другие, убыстряя шаги, проходили мимо. Пацаны брательниками гордились. Они умели то, чего не умел никто, и учили нас: играть пустыми руками в "тюремное "очко" или в "ножичек", когда описывали круг на земле, делили пополам на твоем и так мастерски бросали в кружочек нож, что все "твое" отрезалось по ломтику и становилось "мое". Учили кидать и нас: из положения сидя, потом — с колена, потом — с высоты полного роста. Учили делать финки из осколков пилы, а из цветных зубных щеток — наборные рукоятки. Никогда я не гордилась собой больше, чем в день, когда попала финкой в мишень на заборе, и не было выше похвалы, чем одобрение старого урки. Потом по городу прокатилась волна грабежей и убийств, и брательников с финками, фиксами, татуировками у пацанов не стало. Не стало и многих пацанов. А потом в сумерках кто-то стукнул в наше окно, мама спросила: "Кто там?" — открыла дверь, вскрикнула и ухвати-

лась за дверной косяк, чтобы устоять. На пороге стояла красивая женщина. Одного с мамой роста и на одно лицо. Только волосы у нее не вились, а лежали гладко и были белыми. Да сухая бледная кожа на щеках, как у брательников. От нее разило табаком, как от них, а стоило ей улыбнуться, как блеснул во рту железный зуб. Это была мамаина довоенная подруга Леля.

Они родились в одном городе в один день одного года. Вместе пошли в школу, вместе окончили ее. На рассвете после выпускного пришли с Днепра и услышали: "война". Обе остались в городе, обе стали подпольщицами. Моей — "повезло", как сказала Леля: ее арестовало гестапо; а Леле — нет: ее взяли свои, когда освободили город. И обвинили в том, что она выдала подпольщиков. Вместе с полициями и гестаповцами осудили по страшной 58-й статье, пункт "А" — "измена Родине" — и сослали на Колыму. Она выжила там, осталась после освобождения медсестрой в Сусумане, и вот — впервые приехала в отпуск.

Леля не знала, кто помнит ее в Херсоне, кто верит, что не выдавала она никого. Мама и бабушка мои верили, и Леля осталась у нас ночевать. Я смотрела на них и выискивала, что у них разного — словно боялась наутро не узнать, какая из них — моя. А ночью, когда бабушка ушла на дежурство в военный госпиталь, что был через дорогу напротив нашего

штадтов, а точнее — примерно на нынешнем углу Преображенской, Ланжероновской и Херсонской. Солнце всегда встает над морем, диапазон изменений его точек восхода над Одессой составляет 70 градусов. Город, таким образом, расположен самым благоприятным образом для своего самого гармоничного солнечного освещения с учетом всех конкретных условий — местности и времени года. А в день основания Одессы такое освещение становится едва ли не идеальным [3, 245 — 250]. Таким образом, становится объяснимым и выбор конкретной даты этого события. Лишь "...надлежало начертанный де-Воланом план города наложить в натуральную величину на пустынную территорию Хаджибея... наметить места для храмов. С благословения Гавриила, в присутствии де-Рибаса и де-Волана, 22-го августа 1794 года было положено основание нашего города" [4, 7 — 8].

В дальнейшем полисная идея была модифицирована де Воланом в планах Одессы 1803, 1809 и 1811 гг. в так называемую "очаговую", или "мегаполисную". Она заключалась в проектировке восьми площадей как будущих самостоятельных очагов экономического и социокультурного притяжения населения строящегося города [5, № 11 — 12]. Такие очаги, по мысли де Волана, при своем стихийном разрастании объединяются в общий мегаполис по единому, "римскому" плану, "как бы постепенно сливающимися крупными пятнами". Эта идея создавала допол-

нительные резервы жизнеспособности Одессы. Одним из таких запланированных "очагов" была нынешняя Греческая площадь. Возможно, не случайно "круглый дом", находящийся именно на ней, расположен точно на линии восхода солнца в день рождения Одессы (левый рисунок).

Становится также очевидным, что свой план де Волан "начертал" по рекомендациям Витрувия, который полагал необходимым производить "прокладку улиц и переулков с ориентацией на определенную часть света" [6, 1, VI, 1], а "по распределению пространств между зданиями и по установлении плана улиц предстоит развернуть выбор под определенные здания соответствующих площадей... Если город будет расположен вдоль моря, то площадь для расположения форума следует избирать возможно ближе к порту... В центре города... надо установить медный гномон как указатель тени"... чтобы "получить северную и южную ориентацию". Здесь же — здание городской думы и Думская площадь, аналог античного "форума".

"Прокладка улиц с ориентацией на определенную сторону света будет выполнена правильно, если эти проулки будут защищены от действия ветров; иначе ветры, если они холодные, то действуют неприятно; если они жаркие, то действуют тлетворно; а если они влажные, то оказывают вредоносные влияния..." — учит Витрувий. Зато, "если ветры будут безвредны, то в та-

ком случае этим будет достигнуто не только оздоровление места для здоровых организмов, но в таких местах вследствие безвредности ветров и благорастворения атмосферы, скорее всего, будут излечиваться даже те болезни, которые возникнут от каких-нибудь других неблагоприятных условий" [6, 1, VI, 3]. Эти восемь основных ветров — "...Солан, дующий с востока в точке равноденствия; Австр, дующий с юга; Фавоний, дующий с запада в точке равноденствия; Септентрион, дующий с севера... между Соланом и Австром — дующий с зимнего востока Эвр; между Австром и Фавонием — с зимнего запада дующий Африк; между Фавонием и Септентрионом — Кавр, который большинство называют Кором; между Септентрионом и Соланом — Аквилон" [6, 1, VI, 4, 5]. "...Только по углам, занимающим место между двумя направлениями ветров, следует прокладывать направления улиц и проулков" (выделено нами, — А. Д.). Тогда "будет исключено отягительное действие ветров как на жилища, так и на улицы... А потому-то и следует отворачивать от направления ветров линии улиц так, чтобы, налетая на углы корпусов зданий, ветры разбивались и, получив отпор, рассеивались" (выделено нами, — А. Д.) [6, 1, VI, 7-13].

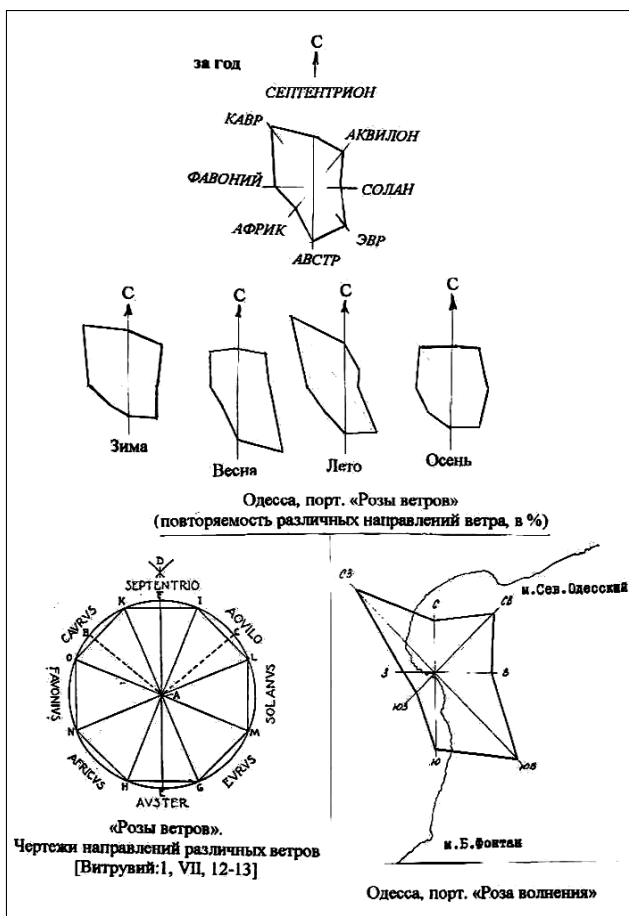
Ясно, что Франц де Волан вслед за своим античным "учителем" так планирует свой город, чтобы максимально "укротить" самые "вредоносные" преобладающие ветры. Та-

ковыми для Одессы являются северо-западный ветер Кавр, несущий катар и кашель ее жителей, а также южный и юго-восточный ветры Австр и Эвр, "дующий с зимнего востока" и несущий жителям города "плеврит, чахотку, кровохарканье и прочие болезни". Для обезвреживания именно этих наиболее опасных ветров де Волан располагает основные форштадты города под углом к ним: Военный — углом по направлению к Эвру, а Греческий — углом по направлению к Кавру. Благодаря этому, при преобладании северо-восточных ветров (Кавр) они, "налетая на углы корпусов зданий" Греческого форштадта, разбиваются и рассеиваются. Точно так же рассеивается и вредоносное действие юго-восточных и южных ветров — Эвра и Австра: они налетают на углы кварталов и строений Военного форштадта (правый рисунок). Таким же образом форштадты Одессы защищены и от "дующего от зимнего запада" Африка — юго-западного ветра, который усиливается осенью и зимой и также способствует "впадению в вышеуказанные болезни".

Приведенные нами "розы ветров" показывают, что в Одессе на протяжении всего года преобладают в среднем северо-западные и юго-западные ветры. Это преобладание не так очевидно осенью, но постепенно усиливается зимой и весной, а более всего выражено в летние месяцы. Поэтому планировочной задачей де Волана было устранение их "отягительного воздействия" наряду с "привлечением" в город здоровых или менее опасных ветров. Расположение Военного и Греческого форштадтов также способствует такому "привлечению": их улицы открыты со стороны моря более слабым, более здоровым ветрам — северным и северо-восточным. При усилении именно этих ветров весной, зимой и осенью люди, которые страдают от кашля, "возвращаются к нормальному состоянию". Этому не препятствует и открытость улиц Одессы со стороны степи ветрам, дующим с юго-запада и запада — Африку и Фавонию. Они наиболее слабы зимой и весной, а летом — приятны и безвредны. Осенью же "вредоносные" Кавр и Эвр относительно ослаблены за счет увеличения доли здоровых северных, северо-восточных и восточных ветров — Септентриона, Аквилона и Солана.

Мы видим, что де Волану удалось оптимально учесть всю совокупность астрономических, климатических и метеорологических факторов при планировке Одессы. Он сумел полностью компенсировать возможные "вредоносные" воздействия всех этих условий и расположить "свой" город едва ли не идеально. Ибо, как пронзительно точно выразился Гете, "это какая-то вторая природа, которая действует в интересах гражданского благоустройства, — вот что собой представляет античное строительное искусство" [цит. по: 6, 7].

Удивительно удачная планировка одесских улиц и связанные с этим "комфортные" ощущения одесситов многократно отмечались в литературе. Этим мы обязаны не только высочайшему профессионализму и таланту де Волана, но и его необычайной культурной чуткости к опыту и древнейшим традициям античного градостроения.

дома, меня уложили спать, и мама с Лелей начали шептаться. Сколько им было в том пятьдесят восьмом? Едва перевалило за тридцать. Они тихо рассказывали друг другу, как их убивали. Мама распалась и жарко шептала, как ее пытали, как полицией спросил на допросе, знакома ли она с Грицем. Она сказала: "Нет", — а он положил перед ней фото, где они с Грицем стояли рядом зимой, и она не узнала себя в детской шапке.

"Соврала", — сказал полицией, ударил кулаком в лицо, она увернулась, он попал по уху, и она оглохла. Кто бил ее дальше — не видела. Не чувствовала, как упала. Пришла в себя, когда на нее выплили ведро воды. Поняла, что слышала, как волокли ее из той комнаты, где допрашивали, туда, где она лежала теперь на цементном полу. Над ней склонилась женщина-врач.

— Я узнала ее! — шептала мама. — Она до войны бывала у нас в доме. "Ничего, до смерти — доживешь", — сказала она.

— Повезло, — спокойно протянула Лёля, затягиваясь папиросой. — Тебя все-таки фрицы пытали, а меня — свои...

— Да какие фрицы? — протестовала мама. — Полиции...

— А меня — наши. Освободители, — иронично тянула Лёля.

Я боялась дышать: вдруг услышат, что не сплю? Но они забыли о моем существовании. Я, наконец, устала, заснула, но они стали чиркать спичками, а потом вообще зажгли свечу в баночке из-под сметаны, что стоила три копейки, когда я сдавала посуду. Комната озарилась, и они — две красавицы в самодельных ночнушках — принимали стаскивать их то с одного плеча, то с другого, чтоб показать друг другу шрамы, оставшиеся после пыток. У мамы на груди, и у Лели на груди,

у мамы — на правой, у Лели — на левой. Они изумленно разглядывали одинаковые шрамы на теле друг друга. И если бы не две черные всклокоченные тени на потолке, можно было подумать, что в комнате сидела одна мама, но перед огромным зеркалом...

Утром с закрытыми глазами я шла в школу. Досыпала там на задней парте, а ночью снова слушала. Новые слова: Колыма, Магадан, Сусуман. В последнем Леля работала в "больничке", как она говорила. Уже "вольняшкой", но хотела реабилитироваться, чтоб вернуться в родной город — на юг, а не гнить там на мерзлоте. Жалко было только людей, которых она встретила там... Ее прокуранный голос мягчел, и она с любовью говорила о начальнице Тосечке, которой надо обязательно купить гипюровую кофточку, и о каком-то медбрате — Лёля нараспев читала его стихи, и в них выл ветер. Звали медбрата Шаламов, но я не запомнила это слово.

Леля уехала и через год приехала снова. Снова в отпуск. Снова к нам. Искала свое "дело" в херсонском суде, чтобы подать на реабилитацию. Не для себя — для сына старалась. Славик на Колыме страдал от того, что его не приняли в пионеры, как сына врага народа. Леля ходила "по инстанциям". Мы с мамой ждали ее у суда, где, наконец, нашли ее дело. Леля вышла и прошла мимо нас. Я видела ее остановившиеся глаза. Так выгляди циферблат без стрелок: вроде часы, но время не показывают. Лелины ноги вели ее к нам в дом. Там она курила, кашляла, харкала, а ночью сказала, что в деле написано, что ее обвинили "на основании свидетельских показаний подпольщиков".

— Да никаких подпольщиков в ту пору в помине не было, — возмущалась мама. — Нас всех уже взяли к тому времени.

Мне было лет одиннадцать — двенадцать. Я встала утром и сказала им, что я давно подслушиваю, в школу не пойду, а пойду с Лелей к подпольщикам и каждого попрошу написать на бумажке, что он не говорил, что она его выдавала. Мать моя онемела, а у Лели блеснули глаза. В них затикало, и они снова стали показывать время. Она закурила, спряталась в облако дыма, а когда вынырнула из него, кивнула: "Пошли".

Мама написала нам адреса. Мы шли пешком по нашему маленькому зеленому городу. Я толкала калитки палисадников, стучала в окно и в двери. И отступала, когда открывали. Смотрела издали, как они впились друг в друга глазами, узнавали/не узнавали, как восклицали что-то нечленораздельное, дергали кадыками, слгатывые рыдания, всхлипывали, неуклюже обнимались, как безрукие, и одинаково смахивали слезы тыльной стороной ладони.

Все написали, что надо, и Лелю реабилитировали. Не сразу, конечно. Но она вернулась с Колымы, привезла своего Славика, и он успел стать комсомольцем. Меня она называла "дитё" и хвасталась: "Вот оно — дитё, что всё это придумало"...

Лёле дали статус участника войны и квартиру в новой многоэтажке на окраине. Она и рассказала мне о Колыме. Я окончила школу, уехала из южного города учиться в Москву. А когда в "Посеве" вышел "Архипелаг ГУ-Лаг", неделю не ходила на занятия — читала. Потом села в поезд Москва — Николаев и через сутки допрашивала Лелю с конспектом в руках: "Это правда?"

Леля курила и молча кивала. Последнее, о чем я спросила, был эпиграф — о том, что на Колыме нашли мамонта и его мясо оказалось съедобным.

— Да, — улыбнулась Леля. — Только варить надо было долго.

— Ты знала людей, что его ели? — недоверчиво уточнила я.

— Я его ела, — кинула изуродованным артистом пальцем себе в грудь Леля. — А из бивня наши хлопцы, — вспомнила она, и глаза ее весело блеснули. — Смотри, что могли...

Она вскочила и принялась рыться в коробках из-под печеней, где хранила нитки-иголки.

— Вот, — извлекла она кусок бивня мамонта, похожий на брелок для ключа. На нем был вырезан звенк с рыбиной на руках. — Мы за такую красоту, знаешь, сколько могли хлеба выменять?! — зажмурилась она, вспомнив былое богатство. — Держи, — решительно протянула она мне колымскую нещечку.

Я зажала осколок бивня в кулаке. Так он и хранится у меня в коробке с драгоценностями — маленькой печаткой прадеда, где под снопом пшеницы вырезана в сердолике его фамилия с буквой "ять" на конце; пуговкой с двуглавым орлом с гимназической тужурки деда и обручальным кольцом мамы.

Вскоре я засела за новый сценарий — о жизни и творчестве Варлама Шаламова. Медленно, словно разматывая клубок из непонятных слов, читала я его рукописи и дневники. И ощущение чего-то знакомого не оставляло. Может, названная Колыма — Магадан — Сусуман, что звучали у меня над головой, когда я засыпала посреди маленькой комнаты, в которой две девочки сравнивали одинаковые шрамы, полученные в разных — сталинских и гитлеровских — лагерях.

Фильм о Шаламове Леля не увидела: рак. Угасала она, мужественно принимая страдания: худела, таяла, как свеча, но не жаловалась. Радовалась, что умирает в своей постели. Так и отошла. Мама моя умерла от того же

Александра СВИРИДОВА

Смерть Варлама Шаламова

(Окончание. Начало на 10-й стр.)

рака пару лет спустя. А я долго не могла понять, зачем Создатель сотворил таких похожих девочек, которым выпало пройти через страшные жернова. Однажды увидела фильм польского режиссера К. Кесьлевского "Двойная жизнь Вероник", в котором юноша, создатель кукольного театра, делал кукол. Каждый — по две, на случай, если одно сломается во время спектакля. "Они очень хрупкие", — пояснял он. Думаю, Создатель поступил так же, дав жизнь двум девочкам. Но они не сломались. Обе выстояли, остались людьми. Мир их памяти.

Смерть В. Шаламова

В 1992 году я решила рассказать о смерти В. Шаламова. Вместе с Артемом Боровиком мы создали телепрограмму "Совершенно секретно", полагая своей задачей снять гриф секретности со всего, до чего дотянется наша камера. В "Хронике текущих событий" это один из самых тяжелых материалов 64-го выпуска, последнего из вышедших в самиздате.

"17 января 1982 года автор "Колымских рассказов" Варлам Тихонович Шаламов скончался в доме-интернате психохроников № 32, куда за три дня до смерти был насильственно перемещен из дома-интерната обычного типа. Весной 1978 г. Шаламов был помещен в дом-интернат для инвалидов и престарелых № 9 Тушинского р-на Москвы. Незадолго перед тем он лежал в невропатологическом отделении больницы, и соседи по квартире, ссылаясь на беспорядок, создаваемый Шаламовым, требовали избавить их от него. В интернате Шаламова поместили в шестиметровую палату на двоих. Ему тогда был 71 год. К весне 1980 г. Шаламов ослеп, наступило сильнейшее поражение речи. В это время его начал посещать А.А. Морозов. Он пишет: "Он сразу узнал меня (мы не виделись около 12 лет), вспомнил обстоятельства нашего знакомства в доме Н.Я. Мандельштам, на вопросы же отвечал все, хотя и приходилось мучительно разбирать его речь, многократно переспрашивая. О самочувствии говорил неохотно: чувствует себя здесь прекрасно, кормят здесь хорошо, а что нужно — так это посещать... Вообще мне показалось, что он чувствует себя здесь, как если бы он находился в лучшей тюрьме, откуда ни за что не хочет выходить... С весны 1981 г. В. Т. вместе со мной стали посещать еще Лена Хинкис и — с лета — Таня Уманская (внучка того Уманского, про которого рассказ "Вейсма-нист"). С этого времени мы взяли весь уход за В. Т. на себя: приносили и меняли одежду, мыли в комнате и т. д. Вокруг В. Т. обстановка была неважной: ему ставили миску, обыкновенно почему-то без ложки, но плохо было с водой — кран отключали, а подносить не трудились, и В. Т. иногда громко кричал на всю больницу. Среди персонала считалось, что к нему подходить опасно — может чем-нибудь бросить, ударить. ...В последний числах июля 1981 г. Хинкис случайно узнала из разговора медсестер о принятом решении перевести Шаламова в специализированный дом для психохроников. Главный врач интерната Б.Л. Катаев подтвердил, что решение принято, обосновав его, во-первых, диагнозом "старческое слабоумие", поставленным Шаламову на бывшей незадолго перед этим консультации, и, во-вторых, заключением санэпидемстанции об антисанитарном состоянии его палаты. Катаев сказал, что Шаламов "социально опасен" и представляет угрозу для персонала, т. к. способен, например, опрокинуть тумбочку или бросить в медсестру кружкой. ...Хинкис просила отсрочить перевод. Пошла к директору интерната Ю.А. Селезеву, который забеспокоился, едва услышал имя Шаламова. Хинкис призвала проявить гуманность и неформальный подход к судьбе Шаламова.

— Я бы рад подойти неформально, — сказал Селезнев. — Мне лично все равно, останется Шаламов или будет переведен, но товарищи из ГБ этим уже заинтересовались.

...Шаламова перевели 14 января 1982 года. О самом переводе узнали так. Шаламов давно просил Хинкис позвонить от его имени И.С. Исаеву, редактору, на помощь которого он рассчитывал, собираясь готовить книгу стихов к своему 75-летию. Хинкис позвонила как раз 14 января. Исаев разговаривал сухо, помощи не обещал и только под конец разговора сообщил: "Его уже перевели. Мне позвонила какая-то женщина". Этой женщиной была работник ЦГАЛИ И.П. Сиротинская, которой, по ее словам, Шаламов завещал свой литературный архив.

17 января утром Хинкис приехала в дом-интернат для психохроников № 32. Дежурный врач сказал ей, что Шаламов "очень тяжелый". Кто такой Шаламов, врач не знал.

В палате на восемь человек Шаламов лежал и хрипел; врач предполагал пневмонию. Медсестра сказала: "Его такого и привезли". Он оставался в сознании почти до самого конца. Смерть наступила около шести часов вечера. Последняя запись в истории болезни Шаламова: "Крайне bestолков, задаваемых вопросов не осмысливает. Пытался укусьть врача".

21 января утром состоялось отпевание Варлама Шаламова в церкви Николая в Кузнецком и затем похороны на Кунцевском кладбище. Присутствовали около 150 человек. А. Морозов и Ф. Сучков прочитали стихи Шаламова".

Съемка

Первым собеседником в кадре стала И. Сиротинская. Я сняла ее в рабочем кабинете Центрального государственного архива литературы и искусства.

— Варлам Тихонович — как я его увидела, — вспоминала она, — был, сразу можно сказать, крупным человеком. Ещё до того, как мы знали, что он писатель великий, до всего — это просто крупная человеческая личность. Он и внешне был такой сибиряк... северянин, крупный вологжанин. Высокий, с такими ярко-голубыми глазами, и до старости ярко-голубыми остались его глаза. Такой высокий могучий человек. Из семьи священников... Из потомственной священнической семьи. В тридцать шестом году он начинает публиковаться: "Три смерти доктора Аустина", "Возвращение", "Вторая рапсодия Листа" и другие рассказы. Он уже в тридцать седьмом году планирует сборник рассказов выпустить в свет, но — в ночь на 12 января 1937-го в его дверь постучали... Он был арестован и осужден Особым совещанием за контрреволюционную троцкистскую деятельность (КРТД) и попал на Колыму. Знаете, что-то есть в цепи случайностей, что-то судьбоносное в том, как проходит человеческая жизнь: 20 лет он провел в лагерях. 20 лет чистых лагерей: если считать ссылку и ущемление в правах, это будет больше. И 20 лет он работал над Колымской эпопеей. И то, что он написал, это, конечно, как личность его... Он состоялся, как личность. И он победитель. Я так считаю. Победитель не это государство, а победитель Варлам Тихонович. Огромное государство, армия, КГБ, куча стукачей... Государство единственное, что могло — убить его физически. Ну, вот это — да. Но он все равно победил. Им не удалось раздавить его, не удалось ничего сделать, чтобы он НЕ писал эти рассказы. И вот чего его лишили — это дожить ему не дали...

Я хотела понять, КАК система уничтожила писателя в Москве в 1982 году.

Без Дантеса и Мартынова, без декораций Черной речки и Машку, без кибиток, крылаток, дульных пистолетов и секундентов. Исследовать, как выглядит пролетарский опрошенный вариант вечного на Руси убийства поэта. Кто вывел Варлама Шаламова из его коммуналки в центре Москвы, где он мешал соседям, покрыто туманом. Хотя известно, что это были две женщины из Союза писателей. И даже известна причина: он ослепле не разглядел, что закапал себе в глаза, а это была зеленка. Он дико кричал. Ненавидящие его соседи вызвали скорую помощь. Как и когда появились "две женщины из Союза писателей", установить не удалось, но они привезли его в пансионат ветеранов труда № 9, как официально назывался дом престарелых у метро "Планерная".

Я сняла пансионат снаружи, а внутри мне удалось найти медсестру, которая принимала Шаламова. Милая женщина, кроткая и сострадательная, она очень смущалась. Мне стыдно, что ее имя не сохранилось на пленке. Но и сегодня можно видеть его светлое лицо.

— Я помню Шаламова, когда он поступил к нам в интернат. Это было давно уже, я точно дату не могу сказать. Он поступил к нам из дому. Его привезла, по-моему, жена. Я теперь уже не могу конкретно сказать. И кто-то из Союза писателей, женщина молодая. Привезли его к нам в очень неухоженном состоянии. На нем было черное пальто. Очень пыльное, грязное. Он был весь обросший, невымытый. Его, конечно, обработали. Был у нас несколько дней в карантинном отделении, недели две. Потом его перевели во второе отделение на 3-й этаж. В двухместной комнате он у нас жил. Поселили его сначала с соседом, но он был очень... таким... Трудно было понять, что он хочет сказать, потому что речь у него была нарушена. Было такое заболевание... Уже прогрессировавшее... И здесь он не мог ни с кем жить. Пришлось нам его перевести из этой палаты с соседом в другую палату. Потому что он своими движениями мог

перевернуть тумбочку... Не мог никогда на белье спать, потому что он его так всегда комкал. Потому что у него были такие непровольные движения. Он даже не пользовался приборами и компот пил, и суп прямо из миски. Во всяком случае, то, что он такой неопрятный... вот это у меня в памяти стоит — такое пальто черное, как будто все пыльное такое. Такое впечатление, как бомж сейчас поступает, так и он...

— И никаких признаков того, что перед вами стоит великий русский писатель? — спросила я.

— Нет-нет-нет. Об этом даже речи не могло быть...

— Он понимал, что он пришел сюда по доброй воле?

— Нет. Он не понимал, что он пришел в интернат, нет. Ему безразлично было, где он находится в этот момент...

Это правда, но не вся правда. Шаламова нашли друзья в этом страшном "доме" и навещали до последнего дня. Слава тоже нашла его там: Пен-клуб Франции присудил В. Шаламову премию за его прозу. Иностранцы корреспонденты, расквартированные в Москве, ринулись на поиски героя. И нашли его в гадюшнике, пропахшем мочой и преисподней.

Сколько раз я слышу, что что-то сделано "системой", столько стараюсь разглядеть за этим безликим словом лицо. В случае с В. Шаламовым я встретила с этим "лицом" системы вплотную — колено в колено, сняла его, и хоть пленку украли из монтажной, и я полагаю, что знаю, кто это сделал, по прошествии лет я помню этого человека. Рука спотыкается писать "человек", но скудость языка не знает синонима для описания человекоподобных чудовищ. В. Шаламов описал их. Откройте "Колымские рассказы", прочтите о вохрах, блатарях и "суках". Это был один из них. Он сидел за столом в кабинете директора пансионата для ветеранов, и сложенные в замок его крепкие руки с наколкой на каждом пальце притягивали так, что было не оторвать глаз...

— Никакой КГБ за ним не следил, — с презрением сказал мне директор в наколках. — Да кому он был нужен, чтоб следить за ним? Я сам позвонил в КГБ и попросил, чтоб меня оградили от этих посетителей.

Главное, что не понравилось ему в визитерах, что они все (!) были "лица еврейской национальности". Действительно, странно, что ложа иностранной прессы в Москве не нашла других знатоков русского языка. Прислали бы француза, и, глядишь, пожил бы еще Шаламов какое-то время. Но урка устал. КГБ пришел ему на помощь. Сообщила они состряпали дело, соблюдая формальности: освидетельствовали обитателя "дома ветеранов", признали безумным и предписали перевод в психушку.

Для тех, кто не знает или забыл, напомним, что в любом казенном заведении ты облачен в казенную пижаму, которая на учете у директора. А потому пижаму "дома ветеранов" с В. Шаламова сняли, а пижаму психушки — надели, только когда привезли. В пути — заплутали: январь, метель. Молодому, здоровому, крепкому поезду нагишом в январе не по силам, а обмороженному старику — верная смерть. Чего и хотела страна с января 1937-го. Даже странно, что он еще прожил целых 72 часа.

Десять лет спустя после кончины В. Шаламова я разыскала Елену Хинкис и Татьяну Уманскую. Попросила их приехать в последний приют писателя на съемку.

Хрупкая женщина Лена Хинкис-Захарова в 1992-м приехала в этот самый диспансер психохроников и рассказала, как приняла последний выдох В. Шаламова.

— Есть свидетельства, что это происходило не добром, не по доброй воле, — сказала она. — И он относился к пребыванию в интернате как к пребыванию в тюрьме. Это абсолютно точно, и он об этом говорил, и есть масса людей, которые могут это засвидетельствовать. И вел себя соответственно. Он срывал постельное белье, он вызывал на шею полотенце. Он считал себя в тюрьме и вел себя, как он есть в тюрьме.

— Это случайность, что его голого везли по морозу? И он умирает от пневмонии?

Татьяна Уманская, которая была с Еленой, осадила меня.

— Я думаю, что никто намеренно его не простужал, — сказала она. — Я думаю, что об этом просто никто не думал. Им нужно было убрать его с глаз долой. Понимаете, приближалось его 75-летие. Только что в одном из журналов вышла подборка его стихов. Стихов человека, объявленного безумным, и напи-

санных им. Стихов абсолютно нормального человека.

— Администрация этого интерната на "Планерной" хотела от него избавиться... — поддержала ее Елена.

Я кивала. Непреднамеренное убийство отличается от намеренного. Спасибо.

— Какие сохранились свидетельства пребывания Шаламова у вас? — спросила я директора психоневрологического диспансера Беллу Скрынникову.

— Я по вашей просьбе пересмотрела всю документацию, и всё, что я обнаружила, это в журнале умерших — регистрация и дата смерти, — сказала она. — Шаламова Варлама Тихоновича 1907 года рождения. Умер 17 января 1982 года в нашем учреждении.

— По вашему счету, сколько дней он был здесь?

— Двое или трое суток.

— И когда вы приехали сюда, что вы здесь нашли?

— Когда я приехала сюда, — рассказала Лена Захарова, — сюда было довольно трудно попасть. Был выходной день, администрации не было, был только дежурный врач, с которым мне удалось поговорить и который, к моему большому удивлению, проявил сочувствие. Я аргументировала это тем, что я сама врач. Короче говоря, нас пустили, меня и Людмилу Аникст, и провели в палату. Была санитарка, которая нас провела, и мы обнаружили его в шестиместной палате. Он был уже в агонии. Без сознания. Какие-то элементы сознания еще были, но это было неясное сознание, безусловно. Уверенности, что он нас узнал, у меня нет. Прожил он на моих глазах несколько часов. По моей просьбе мне был вручен шприц со строфантоном — чтобы поддержать сердце, и я сама сделала ему инъекцию. Больше для очистки совести, потому что он был уже в агонии. Уже было очень низкое давление, он погибал, и это произошло в течение нескольких часов. Смерть была констатирована, запись об этом была сделана... Дальше я заинтересовалась у доктора, как мне быть... Речь шла о похоронах. Я спросила, как это обычно у них бывает. Доктор сказал, что тела забирают в морг, и на основании его паспорта можно получить свидетельство о смерти на гербовой бумаге... Он был сыном священника, крещеным человеком, и вопрос о том, был ли он верующим и в какой степени, не имел значения. Он не был практикующим христианином, это точно. У него есть богореческие стихи и есть стихи религиозного человека. Это его личное дело, его и Бога... Главное — он был сын священника, крещен, а значит, мог быть отпет. И мы решили, что он будет отпет...

— Если бы вы не пришли, не нашли его в воскресенье, не взяли бы всё это на себя, а он умер бы, просто как обыкновенный одинокий человек, мы бы сегодня нашли его могилу? — спросила я.

— Конечно, не нашли бы, — ответила директор Скрынникова. — Его кремировали бы и похоронили в общей могиле одиноких психохроников.

— Это чудо, что он избежал такой гибели гурьбой и гуртом, — сказала Лена. — Ямы там — на Колыме — и братской могилы здесь. Это просто чудо...

Шаламова предали земле на Кунцевском кладбище. За гробом шли почитатели и стукачи. Мир его памяти, великого страдальца и великого писателя, уничтоженного своей родиной.

P. S.

В этом месте я вспоминаю свидетельство о том, как Владимир Павлович Эфроимсон зимой 1985 года встал у микрофона в Политехническом музее, где научной общественности впервые показали смелый по тем временам фильм "Звезда Вавилова", и сказал то, что до него никто не осмеливался произнести вслух: "Я не обвиняю авторов фильма в том, что они не смогли сказать правду о гибели Вавилова. Они скромно сказали — погиб в Саратовской тюрьме. Он не погиб. Он — сдох! Сдох, как собака. Сдох он от пеллагры — это такая болезнь, которая вызывается абсолютным, за предельным истощением. Именно от этой болезни издыхают бездомные собаки. Наверное, многие из вас видели таких собак зимой на канализационных люках. Так вот: великий ученый, гений мирового ранга, гордость отечественной науки, академик Николай Иванович Вавилов сдох, как собака, в саратовской тюрьме. И надо, чтобы все, кто собрался здесь, знали и помнили это".

У Шаламова была пеллагра, но он не сдох, а чудом выжил на Колыме.

Вернулся в Москву, где его убили. Среди бела дня.

Андрей ДОБРОЛЮБСКИЙ

Город Витрувия и Де Волана

"Произведение архитектуры... должно отвечать требованиям эвритмии-гармонии — прочности, пользы и красоты..."
Витрувий. "De architectura".

Античные принципы закладки и обустройства едва ли не всех городов на юге Украины, основанных во второй половине XVIII века, объясняются духом и соответствующей модой эпохи классицизма. Ее девиз сформулировал "отец археологии" Иоганн Иоахим Винкельман: "Единственный способ для нас быть великими, если возможно, неподражаемыми — это подражание древним". В этом отношении первый план Хаджибея-Одессы, составленный де Воляном зимой-весной 1794 года, свидетельствует, что Одесса была задумана как античный город с самого начала. В нем де Волян воплотил в жизнь древнейшие традиции и опыт градостроения античной цивилизации, который был обобщен римским архитектором и инженером Марком Витрувием Поллионом в трактате "De architectura".

В античной ментальности любые существенные действия, заполняющие человеческую жизнь: рождение, брак, смерть, основание города, храма или дома, освоение новой территории и т. п. — обладают значением и ценностью не сами по себе, а как повторение мифологического, идеального образца, как воспроизведение некоего прайдействия. Это — представление об отделеении богами тверди от хляби, о выделении упорядоченного пространства из первозданного хаоса как об изначальном акте творения. Овладение новой землей, будь то на основе ее захвата, будь то в результате открытия, становилось подлинно реальным в переживании каждого, только если с помощью точно исполненного ритуала в нем обнаруживалось повторение изначального мифологического акта творения.

Так, в частности, объяснялись обряды закладки городов у древних римлян еще в эпоху Ранней империи. Проведя ночь у костра, основатели будущего города втыкали в землю шест (или копье), следя за тем, чтобы он стоял строго вертикально. И когда шест, озаренный первым лучом восходящего солнца, отбрасывал на землю длинную тень, по ней поспешно **проводили плугом борозду**, определявшую направление первой главной улицы — "декумануса" (decumanus ager — поле, с которого взимается десятая часть продуктов); к ней выставлялся перпендикуляр, становившийся второй главной улицей — "кардином" (cardinis — ось, небесный полюс, граница). У места их пересечения возникало ядро города, центр, одновременно деловой, общественный и сакральный. Происходило как бы заклятие неупорядоченной первоздан-

ной природы; на ее хаотическую пустоту, повторив первичный акт творения, оказывалась наложенной четкая геометрия порядка и воли.

Видимо, все эти соображения были органично присущи основателям Одессы, "культурным героям" классицизма — Иосифу де Рибасу и Францу де Воляну: "В тот же день (рождения Одессы, — **А. Д.**) была проведена **первая борозда** для фундаментов городских строений" [1, 8]. Это означает, что основатели города строго соблюдали античные ритуальные действия. Действительно, в Римской империи, от Атлантики до Двуречья и Причерноморья, возникают сходные города, с одной и той же основной, "декуманусной" магистралью, которую в центре пересекает другая магистраль "кардина"; у их скрещения одна и та же площадь, на которой стоят одни и те же здания: базилика, храм Капитолийской триады, рынок, храм императора. Неподалеку от центральной площади находятся термы, амфитеатр, театр или цирк — место для зрелищ, тоже носивших сакральный характер. В определенное время там происходили выборы руководства гражданского коллектива.

Несмотря на греческие наименования, новые города в Российской империи, основанные во второй половине XVIII века на отвоєванных территориях, планировались по римским образцам. Это наблюдается решительно во всех случаях. Чаще всего это происходило без учета условий местности — сетка прямоугольных кварталов, рассеченных меридиональными и широтными улицами, механически накладывалась на избранное для города место. Отклонения от меридиональной ориентировки немногочисленны и допускались лишь в связи с существенными ландшафтными помехами.

Незначительно отклонялись от меридиана и основные улицы Одессы и Овидиополя — городов, проектировавшихся де Воляном. Попытаемся проникнуться его замыслом первого плана Одессы.

"План города Гаджибея", разработанный де Воляном и утвержденный Екатериной II 27 мая 1794 г., считается первым основным проектом города. Это эскизная схема, из которой впоследствии заимствовали размеры кварталов, улиц и принцип композиционного построения. Отклонение от строгой меридиональной ориентировки в литературе объясняется необходимостью использовать естественную параллельность Военной и Карантинной балок и сместить тем самым трассировку ведущих к морю улиц Военного форштадта от строгой оси север — юг. Это, на первый взгляд, кажется очевидным.

Между тем известно, что план составлялся де Воляном на местности зимой 1794 г. Именно в это время солнце над Одессой вос-

ходит с отклонением к юго-востоку. Солнечные лучи в середине зимы идут вдоль улиц, параллельных нынешней Ланжероновской. Азимут восхода солнца, считаемый от точки севера по часовой стрелке, в середине января (по старому стилю) составляет около 120 градусов*). Это означает, что упомянутый "принцип композиционного построения" оказывается в полном соответствии с описанным древнеримским ритуалом "декумануса" как раз для того времени года, когда составлялся "План..." (левый рисунок).

Действительно, на рассматриваемом "Плане..." ряды улиц, параллельные нынешней Ланжероновской, направлены к точке восхода солнца в январе, а потому образуют линии декумануса. Тогда все перпендикулярные улицы (параллельные нынешней Ришельевской) образуют линии кардина. Изначальное деление Одессы на кварталы и участки, таким образом, восходит к древнейшим римским сельскохозяйственным нормативам распределения земли. "План...", таким образом, доказывает, что римская градостроительная идея в него была заложена еще на уровне первичного замысла.

Место, где де Волян с де Рибасом установили символическое "копье", "маркируется" археологически обнаруженным в 1995 г. обрядом основания Одессы. Этот обряд был совершен при закладке первого дома Одессы 22 августа 1794 г. (по старому стилю) [2, 218 — 221] примерно полгода спустя после составления "Плана города Гаджибея", который Одессой еще тогда не был назван. Но участники обрядового действия заранее вели себя, как античные "культурные герои", "обустраивающие" будущий город (ритуальное возлияние, закладка монеты, сломанное оружие и т. п.)**. Именно эту точку де Волян обозначил его исходным центром. И, если находиться в этой точке на незастроенной местности при восходе солнца в середине января, то оно встанет над морем, прямо над Карантинной балкой, в том месте, где в нее ведет нынешний Ланжероновский спуск.

Сказанное позволяет полагать, что пер-

***) Вычисления проведены А.П. Челомбитско (астрономическая обсерватория Одесского университета). Все азимуты вычислены от точки севера на восток, по часовой стрелке. Максимальное значение азимута восхода Солнца 22 декабря (по новому стилю) — 125°, минимальное, 22 июня — 55° (округление с точностью до одного градуса).**

****) Точно на этом месте, в кофейне грека Симона Аспорида, встретил Иосиф де Рибас утром 14 сентября 1789 г. восход солнца — солнца своей победы над Хаджибеем (азимут 90 градусов). Хаджибей пал между 4 и 5 часами утра. Солнце в этот день восходило точно на востоке (см. выше).**

вой главной улицей Военного форштадта — декуманусом — была задумана будущая Ланжероновская улица. Тогда кардином становилась будущая Ришельевская. Этим де Рибас с де Воляном предопределяли общественный и сакральный центр города. Здесь был заложен первый дом — князя Г.С. Волконского. И, как известно, первый социокультурный эпицентр будущей Одессы в конце XVIII — начале XIX в. (дом Ришелье, театр, гостиница Рено, аристократический клуб, коммерческое казино, ресторация Оттона, биржа, дворец Ланжерона, плац-парад) образовался именно здесь же.

Военная и Карантинная балки используются как спуски из города в порт, с ними же увязана и трассировка "кардинных" и "декуманусных" улиц. Получается, что не одна лишь естественная параллельность балок предопределяла отклонение этой трассировки от строгой линии север — юг, а их изначальная "кардинная" направленность. Это обусловило выбор де Воляном на побережье залива такого конкретного плато, где планировка оказалась бы в полном соответствии как с античной градостроительной традицией, так и с условиями местности. Именно плато, ограниченное "кардинно" ориентированными Военной и Карантинной балками, отвечало нужным условиям — лишь на нем можно было оптимально соединить систему прямых улиц с требованиями античного обряда. Так было выделено основное, "сакральное" ядро будущего города. Его западная, "профанная" часть (Греческий форштадт) проектировалась уже на другом плато, под углом 45° к основной сетке и рассматривалась как периферийная.

Однако и такая планировка Греческого форштадта оказывается не случайной. Если перенести на него "декуманусные" линии, то им будут соответствовать улицы, параллельные нынешней Тираспольской, а "кардинные" — Нежинской. В таком случае азимут восхода солнца составляет около 75 градусов. Такое расположение улиц Греческого форштадта соответствует линии декумануса на 22 августа по старому стилю — день основания Одессы. В этот день солнце восходит ровно под углом в 45 градусов по отношению к плану Военного форштадта, одинаково равномерно освещая, таким образом, его декуманусные и кардинные улицы. Можно видеть, что день торжественной закладки Одессы был избран ее основателями заранее и сознательно, из вполне научных соображений.

Можно видеть и другое — именно в день рождения Одессы "кардинная" ось Греческого форштадта, по замыслу де Воляна, становится солярной осью для всего города, его действительным "небесным полюсом". В таком случае солярный центр Одессы оказывается на стыке Военного и Греческого фор-

Александра СВИРИДОВА

Смерть Варлама Шаламова

"Крайне бестолков, задаваемых вопросов не осмысливает. Пытался укунить врача".

Последняя запись в истории болезни В. Шаламова.

17 января 1982 года в центре страны, в столице СССР городе Москва, остановилось сердце Варлама Шаламова. Писателя-летописца ада, созданного советскими людьми для своих же — соседей и родственников. По праву человека, сделавшего в 1990 году первый фильм о нем, я стараюсь напоминать о том, что он был. Только что — в то самое время, когда мы были и ходили с ним одними улицами. И не знали... Ни прозы его, ни его самого. Фильм вышел только в 1991-м — после провала августовского путча ГКЧП.

С тех пор меня не раз спрашивали, как возник интерес к В. Шаламову. И я признаюсь: не было у меня интереса. Не было даже такого слова — "Шаламов". Была Украина, маленький южный город, заросший акацией, август пятьдесят первого. Я появилась на свет в чудом уцелевшей после войны семье и лет до пяти жила в благости неведения. У меня была самая лучшая бабушка, за которую можно спрятаться, если за тобой гонятся, и которая вылечит от всего, если что-то болит. В соседнем городе был папа, который слал телеграммы на красивых бланках с цветами. И ветром вокруг кружилась самая красивая на свете мама. Такая красивая, что на нее было

больно смотреть, как на солнце. Ее было видно издалека, как пожарную каланчу у базара: такая высокая. С выщипанными каштановыми волосами, тонким профилем, горделивой осанкой и царственной походкой. К ней у меня был интерес: где она, куда ушла, когда придет. Мама тоже лечила больных, но не ласково, как бабушка, а строго. И длинные красивые ее пальцы были холодными, а бабины — теплыми даже зимой.

Мир вокруг был понятным, состоял из травы и деревьев, птиц на ветках, кошек под ногами, собак в подворотнях и лошадей, что, цокая копытами, тащили телеги по булыжной мостовой. Когда настало время идти в школу, город зашелестел, как кроны акации в дожде, все зашептались, и два новых слова торжались в быт: "двадцатый съезд". Кто-то входил в нашу маленькую квартиру, брал какую-то книгу, какую-то оставлял. Бабушка заваривала из муки клейстер, подклеивала рассыпавшуюся газету, в которой все что-то читали. Кто-то всхлипывал, кто-то плакал. Потом бабушка стала дважды проверять, заперла ли дверь. Прислушиваться к маминим шагам, когда та поздно возвращалась домой. А потом и вовсе они стали поднимать тяжелый чугунный болт, висевший в углу в коридоре еще "с погромов", как говорила бабушка, и накладывать его на ночь на крюк, запирая дверь изнутри. А в переулках слева и справа от нашего квартала появились новые люди. Разные,

но с одинаково белесыми лицами и жадными цепкими глазами. Сосед Колюнэ окликнул меня, когда я шла с маленьким бидончиком к цистерне за молоком, и важно представил "брательнику". Тот придиричиво оглядел меня, спросил, где батя, выслушал, что он с нами не живет, и одобрительно кивнул. А дальше другие пацаны расхвастались другими "брательниками", что "откинулись" с зоны, и улица разделилась: одни обступали брательников, слушали их рассказы, другие, убыстряя шаги, проходили мимо. Пацаны брательниками гордились. Они умели то, чего не умел никто, и учили нас: играть пустыми руками в "тюремное "очко" или в "ножичек", когда описывали круг на земле, делили пополам на твоем и так мастерски бросали в кружочек нож, что все "твое" отрезалось по ломтику и становилось "мое". Учили кидать и нас: из положения сидя, потом — с колена, потом — с высоты полного роста. Учили делать финки из осколков пилы, а из цветных зубных щеток — наборные рукоятки. Никогда я не гордилась собой больше, чем в день, когда попала финкой в мишень на заборе, и не было выше похвалы, чем одобрение старого урки. Потом по городу прокатилась волна грабежей и убийств, и брательников с финками, фиксами, татуировками у пацанов не стало. Не стало и многих пацанов. А потом в сумерках кто-то стукнул в наше окно, мама спросила: "Кто там?" — открыла дверь, вскрикнула и ухвати-

лась за дверной косяк, чтобы устоять. На пороге стояла красивая женщина. Одного с мамой роста и на одно лицо. Только волосы у нее не вились, а лежали гладко и были белыми. Да сухая бледная кожа на щеках, как у брательников. От нее разило табаком, как от них, а стоило ей улыбнуться, как блеснул во рту железный зуб. Это была мамаина довоенная подруга Леля.

Они родились в одном городе в один день одного года. Вместе пошли в школу, вместе окончили ее. На рассвете после выпускного пришли с Днепра и услышали: "война". Обе остались в городе, обе стали подпольщицами. Моей — "повезло", как сказала Леля: ее арестовало гестапо; а Леле — нет: ее взяли свои, когда освободили город. И обвинили в том, что она выдала подпольщиков. Вместе с полициями и гестаповцами осудили по страшной 58-й статье, пункт "А" — "измена Родине" — и сослали на Колыму. Она выжила там, осталась после освобождения медсестрой в Сусумане, и вот — впервые приехала в отпуск.

Леля не знала, кто помнит ее в Херсоне, кто верит, что не выдавала она никого. Мама и бабушка мои верили, и Леля осталась у нас ночевать. Я смотрела на них и выискивала, что у них разного — словно боялась наутро не узнать, какая из них — моя. А ночью, когда бабушка ушла на дежурство в военный госпиталь, что был через дорогу напротив нашего

Александр ДМИТРЕНКО

Настольные медали Одессы

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ, ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Императорское общество
сельского хозяйства
Южной России

Первым сельскохозяйственным обществом России было Императорское вольное общество, учрежденное в 1765 году "для распространения в народе полезных и нужных к земледелию и домостроительству знаний". В 1796 году устроено в Риге и получило в 1805 году утверждение Императорское Лифляндское общепольное и экономическое общество. В 1819 году было учреждено Императорское Московское общество сельского хозяйства. В 1824 — 1841 годах существовало в Витебске Белорусское общество сельского хозяйства. И, наконец, на территории современной Украины 20 декабря 1828 года при непосредственном участии генерал-губернатора Новороссийского края М.С. Воронцова в Одессе учреждено Императорское общество сельского хозяйства Южной России. Прогрессивных взглядов М.С. Воронцов стал первым президентом Общества и был им вплоть до самой своей смерти 6 ноября 1856 года.

В 1826 году М.С. Воронцов вместе с русским дипломатом швейцарского происхождения А.И. Рибопьером (с которым они и создавали порто-франко) был послан на конференцию в Аккерман [ныне г. Белгород-Днестровский Одесской обл., — прим. авт.] для переговоров с турецкими уполномоченными по поводу возникших между Россией и Портой разногласий. Аккерманскую конференцию я вспомнил не зря, потому как, по воспоминаниям действительного члена Общества Г.Ф. Логинова, идея создания общества сельского хозяйства родилась после этого события (приводится с сохранением стиля и орфографии автора): "...в сентябре месяце 1826 года, когда Его Светлость после Аккерманских конференций, отправляясь в Англию, мимоходом удостоил посещением имення, принадлежавшие покойному Николаю Никитичу Демидову и бывшие тогда в моем заведовании: Демидовку и Заводовку.

Здесь он посвятил целый день на обозрение возникших всех заведений, каковы суть: тонкорунное овцеводство и ангорские козы, суточная фабрика, лучших иностранных пород конский завод и завод рогатого скота, виноградарство и виноделие, садоводство, лесоразведение, травосеяние и прочее... Вследствие этого личного обзора... я не мог не видеть целей князя: распространить подобные заведения в Новороссийском крае, но чтобы известия о различных опытах, делаемых разными владельцами, не оставались в безгласности, — сосредоточить их в едином Обществе".

Общество не дожидаясь своего векового юбилея восемь лет и по понятным причинам в 1920 году перестало существовать. За это время Общество увековечило себя и настольными медалями, в честь своего 25- и 50-летия, а также наградными (премиальными) медалями за лучшие сельскохозяйственные произведения, представленные на выставках, устраивавшихся Обществом.

Вице-президент Общества сельского хозяйства Южной России в память окончания 20 декабря 1853 года 25 лет существования Общества в своем письме от 28 мая 1854 года № 5096, представив Его Светлости князю Михаилу Семеновичу благодарственный адрес (сделанный по рисунку художника Федора Гросса), просит среди прочего ходатайства о выбитии бронзовых медалей.

29 ноября 1854 года государь император разрешил Обществу в память 25-летнего его юбилея выбить медаль с портретом Его Императорского Величества на одной стороне и со следующей надписью на другой: "Императорское Общество Сельского Хозяйства Южной России. XXV лет. 20 декабря 1853 года".

12 января 1855 года совет Общества заказал на Петербургском монетном дворе одну золотую, 7 серебряных, 250 бронзовых медалей.

Управляющий Медальной палатой барон В.И. Витте 23 февраля 1855 года сообщает начальнику монетного двора А.Р. Армстронгу, что по рисунку Общества нет возможности делать штемпель с портретом государя. Так как до конца 1855 года они будут изготавливать медали для акционерной компании по торговле шерстью и для награды воспитанникам Лазаревского института восточных языков. Поэтому штемпеля изготовили только 9 сентября 1855 года.

В течение сентября 1855 года на монетном дворе изготовили 2 штемпеля, которые в Департаменте горных и соляных дел сочли непригодными в связи с тем, что портрет импе-

ратора не имеет достаточного сходства, и предложили сделать новые штемпели по составленному академиком Лялиным рисунку для медали на кончину императора Николая Павловича, на что барон Витте ответил, что представленный на рисунке лик высочайше утвержден и "снят со штемпеля, приготовленного посредством перевода с такового же, утвержденного Высшим начальством для медали, выдаваемой от Министерства Государственных Имуществ за полезные труды по сельскому хозяйству".

Речь шла о штемпеле аверса медали, гравированном академиком Павлом Уткиным для медали 1844 года. Этот штемпель и был использован при выбитии нашей медали, о чем свидетельствуют инициалы медальера под обрезом шеи — П. У. Штемпель реверса медали изготовил другой медальер — П. Мещеряков.

10 ноября 1855 года в Одессу отправили одну золотую, 7 серебряных и 100 бронзовых медалей.

А спустя 2 недели, 25 ноября 1855 года, в совет Общества отправили недостающие 150 бронзовых медалей и сообщили, что изготовление всех 258 медалей Общества стоит 642 руб. 10 коп.

В итоге в декабре 1855 года все медали были уже в Одессе.

Письмом совета Общества Его Светлости президенту Общества князю Михаилу Семеновичу Воронцову от 31 декабря 1855 года № 342 сообщалось (сохранены стиль и орфография оригинала): "По получению медалей Обществом определено представить Его Светлости серебряную медаль (и 5 бронзовых медалей в личное пользование), и просит, как своего Президента представить Его Императорскому Высочеству прилагаемую золотую медаль (которая и была вручена 20 февраля 1856 года) и 3 серебряные медали: Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу Наследнику, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу и Его Императорскому Высочеству Принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому".

Также удалось установить, что владельцем еще одной серебряной медали был действительный член Общества Степан Хоментовский.

Этот тип медали описан: Смирнов В.П. Описание русских медалей. — С.П., 1908. — С. 292, № 578; Дьяков М.Е. Медали Российской Империи. — М., 2006. — ч. 4 (1825 — 1855) — С. 144, № 607, 1; Корченков В.К. Одесса в медалях, жетонах, знаках 1817 — 1941. — Нью-Йорк, 2000. — С. 22, № 3.

Таким образом, памятная настольная медаль в честь 25-летия Императорского общества сельского хозяйства Южной России изготовлена на Санкт-Петербургском монетном дворе в 1855 году, тиражом одна золотая, 7 серебряных и 250 бронзовых, все медали — одного диаметра: 65 мм.

Бронзовая медаль в память 25-летия Императорского общества сельского хозяйства Южной России.

Императорское общество сельского хозяйства Южной России устроило в большом помещении на Херсонской улице в Одессе 15 — 23 сентября 1875 года уездную земскую выставку сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности. К этому событию устроители выставки еще 29 марта 1875 года на своем совете обсуждали вопрос касательно заказа на С.-Петербургском монетном дворе по представленному членом Совета В.А. Орловым и одобренному общим собранием рисунку штемпелей и медалей для выдачи в награду лицам, отличившимся на выставках, конкурсах и прочее. И решили заказать два штемпеля: один — для большой серебряной медали, стоимостью 25 руб. серебром, а другой — для малой, стоимостью 3 руб. серебром; присовокупив при этом, что Обществу в настоящее время необходимо иметь 4 больших, 10 малых серебряных медалей и бронзовых — по 20 каждого образца, назначенных для серебряных.

На заседании совета Императорского общества сельского хозяйства Южной России 12 июля 1875 года рассматривали отношение Императорской академии художеств от 25 июня того же года за № 1580, коим уведомлялось, что при изготовлении просимого Обществом рисунка медали для верного изображения типа пахаря и местной породы скота необходимо иметь с них фотографические снимки и, кроме того, верное и ясное описание прочих предметов, входящих в состав рисунка, а равно и того, что именно должна выражать виньетка. Определили препроводить рисунки типа пахаря, местной породы волов и новороссийского плуга вместе с подробным описанием всех предметов, входящих в состав виньетки.

Примечательно, что на оборотной стороне медали предполагалось изобразить "эмблематическое изображение города Одессы". Но, как мы знаем, утвердили другой рисунок реверса медали — с эмблематическим изображением сельского хозяйства. А составление такого рисунка поручили немецкому медальеру Леопольду Штейнману.

26 января 1876 года представленный рисунок медали для награждения экспонентов на выставках сельских произведений был высочайше утвержден государем императором, а в конце марта 1876 года на монетный двор поступил соответствующий заказ.

В январе 1877 года начальнику монетного двора доложили, что штемпели утверждены и необходимо изготовить 4 больших серебряных по 25 руб., 10 малых серебряных по 3 руб. и бронзовых по 20 штук каждого образца.

Это первый найденный в архивных источниках заказ наградных медалей, изготовленных специально для нашего Общества. Поскольку медали этого типа вручались много лет, то и разнообразие вариантов велико. Медали изготавливались в золоте, серебре и меди двумя парами штемпелей двух размеров: 89 — 91 мм и 41 — 42 мм, по мере их надобности в необходимых количествах, но обязательно по утвержденному 26 января 1876 года рисунку. Автор аверса (лицевой стороны) медали — Л. Штейнман, реверса (оборотной стороны) — В. Никонов.

В материалах архива Одесской области прослеживаются заказы медалей этого типа до 1885 года и в 1893 году. К сожалению, не сохранилось документов за другие годы, но и этого массива информации достаточно, чтобы утверждать о заказе и получении: одной большой золотой, 29 малых золотых, 56 больших серебряных и 124 малых, 245 больших бронзовых и 20 малых бронзовых медалей.

Известные варианты наградных медалей Императорского общества сельского хозяйства Южной России (различаются в основном по монограммам медальеров) — аверс/реверс:

Л. Штейнман р. / В. Никонов р. — большая — Дьяков 850,2; Букатина* 50,1 (медь).

Л. Ш. / В. Никонов р. — большая — Смирнов 761/а; Дьяков 850,1; Букатина 49,1 (медь позолоченная), 49,2 (медь).

Штейнман р. / В. Никонов р. — малая — Смирнов 761/в; Дьяков 850,3; Букатина 52,1, 53,2 (медь), 53,1 (серебро); Корченков 5а (серебро).

Без монограммы / В. Н. — малая — Корченков 5а (медь).

* Букатина Г.Е. Медали сельскохозяйственных обществ Российской Империи XVIII — XX вв. в собрании отдела нумизматики ГИМ. — М., 2007. — С. 11 — 12.

Известно, что золотые медали выбивались штемпелями двух диаметров, но установить, в каких вариантах, пока не удалось.

Медаль Императорского общества сельского хозяйства Южной России для награждения экспонентов на выставках сельских произведений.

Исчерпывающую информацию о заказе на Петербургском монетном дворе медалей в память 50-летнего юбилея Императорского общества сельского хозяйства Южной России послужило обнаружить в переписке совета Общества с Министерством государственных имуществ и монетного двора, сохранившуюся в двух архивах: в Государственном архиве Одесской области и в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге.

20 декабря 1878 года исполнилось 50 лет со дня учреждения Императорского общества сельского хозяйства Южной России. Общество уже в январе 1878 года начало вести активную переписку по поводу изготовления памятной медали к этому торжественному событию.

9 июня 1878 года рисунок такой медали был высочайше одобрен. Следует уточнить, что предоставленный Обществом рисунок не был поначалу удостоен высочайшего одобрения ("...по несходству изображения особы, в Бозе почивающего Императора Николая I"), поэтому Департаментом был заказан на монетном дворе новый рисунок, копия с которого препровождена в совет Общества и на монетный двор для изготовления штемпелей (эта фотографическая копия рисунка находится в одесском архиве: ГАОО, Ф. 22, оп. 1, д. 82, л. 17).

По получении "доброй вести" Общество тотчас же заказало через Департамент земледелия и сельской промышленности 28 июня 1878 года на монетном дворе два штемпеля для юбилейной медали: один — для серебряной, стоимостью 5 металлических рублей, а другой — большой, для бронзовой, равной величине высочайше утвержденного рисунка; и уже 13 июля 1878 года начальнику монетного двора поступило распоряжение по прилагаемому рисунку сделать два штемпеля.

28 декабря 1878 года Императорское общество сельского хозяйства Южной России получило из С.-Петербурга 19 малых серебряных и 70 бронзовых медалей, при этом в своем письме Департамент земледелия и сельской промышленности сообщил, что на монетном дворе из всех заказанных медалей в настоящее время изготовлены одна золотая, 6 больших серебряных (равные величине рисунку — большая), 30 малых серебряных, стоимостью 5 металлических рублей каждая, и 75 бронзовых. Из числа сих медалей одна золотая и четыре большие серебряные оставлены в Департаменте для поднесения государю императору, государю наследнику цесаревичу и великим князьям Константину, Николаю и Михаилу Николаевичам; 2 большие серебряные, 11 малых серебряных и 5 бронзовых медалей переданы действительно статскому советнику князю Дабиге Василию Дмитриевичу — действительно члену Общества.

(Продолжение следует.)

Евгений ДЕМЕНКО

Много, много цветов

— Женя, привет! Приедешь ко мне на выставку?

Её звонок застал меня в большом магазине строительных товаров. Было шумно и плохо слышно.

— Наташа, я очень постараюсь! Где и когда выставка?

— Второго мая в Художественном музее! Второе мая было через три дня.

В принципе, удобно. Первого гуляем, второго — на выставку.

— Буду! В котором часу?

— В двенадцать. Тогда жду тебя на открытии. Второго мая, Художественный музей в Измаиле.

Мне показалось, что я не расслышал.

— Где?

— В Измаиле! Там отличный музей. Ты ещё не был?

— Нет! — отвечаю ошарашенно.

— Ну вот, заодно и посмотришь. До встречи! Она положила трубку.

Так, лампочки. Мне нужно купить лампочки. Чертовски быстро перегорает это точечное освещение. Как назло, на двенадцать ватт есть только китайские.

Я ходил по магазину и думал.

Ну а что? Измаил — это даже интересно. Давно там не был. Вот и путешествие на майские.

Наташины работы мне нравились. Многие из них были отражением её самой — такой разной и органичной. Она была светлой, жизнерадостной и казалась такой земной, и в то же время живопись занимала все её помыслы.

Год назад она делала выставку в моей маленькой кофейне. Мы открывали тогда выставки каждый месяц и всё время находились в поиске хороших художников, которые согласились бы выставиться не в галерее, а в кафе.

Мода на арт-кафе была в самом разгаре, поэтому соглашались многие.

Она пыталась работать в своей собственной манере. В своём стиле. Наверное, его можно было бы назвать импрессионизмом. Хороший автор передает картина свою энергетику, а она, в свою очередь, передаётся зрителю. Наташины работы дарили радость.

Хотя основной расчет был на то, что работы с выставок будут покупать посетители кафе, я не удержался и сам купил одну. Крымский пейзаж с соснами и кипарисами. Ранняя весна. Разные оттенки зелёного пленили меня.

С тех пор мы не виделись. Я много раз обещал заехать к ней домой и посмотреть новые работы, но находились более важные и срочные дела. И вдруг — этот звонок.

Второго мая было солнечно и тепло. Мы с женой и дочкой предвкушали удовольствие от путешествия. Я много раз ездил в Измаил и любил эту дорогу. Люблю Бессарабию.

Майские праздники у нас — генеральная репетиция перед летом. В эти дни почти всегда можно купаться; тепло, но жары ещё нет. Травка зеленеет, солнышко блестит. Машина летит на юг, к Дунаю.

Залитые солнцем поля и пустоши мелькали за окном. Дорога на юг однообразна. Радость доставляют только села и остановки в придорожных кафе. Дубовые листья, вырезанные из камня на створках ворот в Заре. Железнодорожная насыпь и домик смотрителя на переезде прямо перед Измаилом. Главная аттракция — пересечение границы в Паланке; документом является клочок бумаги, на кото-

ром пограничник пишет количество пассажиров в машине.

Долетели за три часа. В музее оказалось неожиданно много людей. Приехали одесситы, и пришли почти все местные художники. Все они знали Наташу. Она сияла.

Рядом с Наташей у входа нас встретила стройная, даже худощавая женщина, чьи чёрные волосы гармонировали с чёрным костюмом и белой блузкой. Она казалась строгой.

— Это Эмилия Николаевна, директор музея, — представила Наташа.

Они были, как Инь и Ян: яркая, жизнерадостная светловолосая Наташа и сдержанная, строгая темноволосая Эмилия Николаевна.

— Вы бывали в нашем музее? — неожиданно дружелюбно спросила директор.

— Нет, к сожалению.

— Замечательно!

— Почему? — удивлённо спросили мы.

— Потому что вы в первый раз сможете насладиться нашими работами. Пойдёмте, я вас проведу.

Музей оказался небольшим, но наслаждаться было чем. Глущенко, Шишко, Яблонская, Захаров, Коцка. Из наших — Ломыкин, Островский, Белик. Неожиданный портрет Воронцова работы Люсьена Дульфана. Рядом с ним — интересная работа. "Калейдоскоп памяти". Какой-то М. Тарпан.

Через пятнадцать минут всех пригласили на открытие выставки. Большой зал был полон, толкаться не хотелось, и мы вернулись к "Калейдоскопу памяти" и Глущенко.

— Женя, почему вы тут? — услышал я вдруг голос Наташи. Она пришла за нами.

— Ждём, когда твои фаны освободят место для полноценного любования.

— Пойдем. Все уже на фуршете. Я хочу, чтобы ты показал мне работы, которые тебе нравятся.

— Конечно. Идём.

Зал действительно пуст. Если театр начинается с вешалки, то любая приличная выставка заканчивается фуршетом.

Я медленно хожу вдоль работ. Прекрасные пейзажи — деревья в весеннем лесу, город, море. Отличный автопортрет — в мастерской, за работой, сделанный с уклоном в экспрессионизм... Сложно что-либо выбрать — нравится почти все.

— Скажи, талант — это труд или все же подарок? — спрашиваю я Наташу.

— Мне кажется, это подарок, который нужно отработать.

Я думаю над ответом и продолжаю смотреть работы.

— Эта, эта и, пожалуй, вот эта, — показываю я, наконец.

Нашу беседу прерывает вошедший в зал крепкий мужчина лет пятидесяти:

— Вы неправильно выбираете. Хотите, я научу вас, как определять безошибочно самые лучшие работы?

Мы с Наташей переглядываемся:

— Хотим.

— Я делаю вот так. Захожу в центр зала, не поднимая головы. Потом резко поднимаю ее и быстро оглядываю все работы. Те из них, которые сразу привлекли моё внимание — без всяких раздумий, и есть самые лучшие. Проверено. Вот они.

И показывает совсем не те работы, что понравились мне.

— Как вам наш музей? Вы у нас впервые? — спрашивает он.

— Впервые. В любом музее я всегда отмеряю те вещи, которые хотел бы забрать домой.

— Какие же отметили у нас?

— Глущенко, Дульфана и "Калейдоскоп памяти" неизвестного мне художника Тарпана.

— Отличный выбор. Я считаю, что "Калейдоскоп памяти" — гениальная работа.

Я польщён. Наши вкусы совпали.

— Вы знаете автора? — спрашиваю я.

Откуда он?

— Знаю очень хорошо. Он из Измаила. Это я.

Мы переглядываемся, улыбаясь.

Он заводит с Наташей разговор о её творчестве, но нас уже зовут в главный зал. Туда в большом казане привезли плов.

Соперничать с художниками оказалось непросто. Плова нам досталось совсем немного.

— Давайте поедим к реке, — предложила Эмилия Николаевна.

Никто не возражал.

Дунай разлился той весной выше обычного, пляжи и низины были затоплены. Мы топтались у воды, посмотрели на румынский берег и решили ехать домой.

— Женя, заедешь ко мне посмотреть новые работы?

— Конечно. Сразу после праздников.

Вывался я только через месяц.

Всегда находятся более важные и срочные дела.

В Одессе уже властвовало лето. К обеду главным желанием становилось спрятаться куда-то в тень. Я с удовольствием вошёл в прохладу Наташиной квартиры. Молдаванка, полуподвал старого дома. В трёх комнатах жила вся семья — муж, сын, дочь; в одной из комнат Наташа работала.

— Проходи сразу в мастерскую, — сказала она. — Садись вот в это кресло и смотри.

— У меня всего полчаса. Встречи по работе. Много.

— Мы успеем.

Она начала доставать и показывать мне свои работы. Сначала масло. Какие-то из них я видел раньше, какие-то — впервые. Десять, пятнадцать, двадцать... Много портретов — муж, сын, дочь, подруги.

— Теперь я покажу тебе графику.

Наташа вышла в соседнюю комнату и вернулась с большой пачкой листов.

Её глаза горели.

Мы начали рассматривать их вместе. Большие листы — акварель, смешанная техника, иногда гуашь, пастель. Пейзажи, море, портреты, жанровые сценки. И цветы. Много, много цветов.

— Мне нравится почти всё, — сказал я.

— Правда? — обрадовалась Наташа. — Я принесу ещё.

И принесла ещё одну стопку.

— Сколько их у тебя? — поразился я.

— Много. Смотри.

Полчаса пролетели незаметно. Я перенес встречи.

— Пойдём в соседнюю комнату, — сказала Наташа. — Там тоже есть работы.

В соседней комнате за столом сидела дочка. Она рисовала.

— Злата, — сказала она мне.

— Женя, — ответил я. — Сколько тебе лет?

— Семь, — улыбнулась она.

— Так. Присаживайся на диван, — сказала Наташа и достала со шкафа ещё одну стопку работ. Отличных работ.

— В начале года я решила для себя делать

по работе каждый день. Не пропускать ни дня. Так, чтобы к концу года у меня было триста шестьдесят пять работ. И сделать большую выставку в Художественном музее.

— Потрясающе, — сказал я.

— Я дала себе слово и держу его. Иногда пишу по две работы в день. И уже думаю о выставке. Я хочу всё красиво оформить. Нужны будут деньги на рамы. Представляешь — триста шестьдесят пять работ? Хочу пригласить всех друзей и знакомых. Всех художников города.

Она говорила со страстью.

— Кто ты по гороскопу? — спросил я.

— Скорпион, — ответила она.

— Тогда всё понятно.

Я улыбнулся.

— Тебе что-то понравилось?

— Да. Сейчас выберу.

— Давай ты выберешь потом. А сейчас пойдем на кухню.

На кухне я познакомился с Наташиными мужем и сыном. Мы пили компот и говорили о будущей выставке.

— Выставить триста работ — это очень смело, — сказал я. — Никогда не видел таких больших персональных выставок. И никогда не видел художников, пишущих по две работы в день.

— Мы с мужем долго жили на севере, за Полярным кругом — у него была работа. Я там ничего не писала. Не было возможности. Когда вернулись в Одессу — начала работать запоем. У нас совсем другое настроение. Юг. Я все же южный человек. Родилась в Туркменинии, выросла в Крыму.

Мой мобильник разрывался.

— Давай я отберу работ десять — пятнадцать, приеду на днях и выберу окончательно пять. И сразу заплачу. Идет?

Мы вновь вернулись в мастерскую. Я выбирал долго — хотелось купить почти все. Мы отложили двадцать работ.

— Только обещай, что дашь мне их на выставку, — сказала Наташа.

— Конечно, дам! Ты же знаешь — я ничего не продаю. Собираю для себя. Я даже оставлю их у тебя и заберу потом, после выставки.

Мой телефон зазвонил опять.

— Прости, это опять с работы. Надо бежать... Я заскочу к тебе на днях. Куплю как минимум пять. А может, и все двадцать.

— Жду тебя!

Я поцеловал Наташу в щеку и выскочил за дверь.

После прохлады и приглушённого света Наташиной квартиры двор показался ярким и жарким — словно в окружающую картинку добавили яркости и подкрутили температуру.

В ближайшие дни я так и не заехал. Всегда находятся более важные и срочные дела. Откладывал еще и еще.

Через два месяца Наташи не стало.

Рак.

Конечно, она знала.

Ничто в ее поведении не говорило об этом. Она наслаждалась работой, жаркими летними днями, жизнью.

Еще через месяц в небольшом арт-кафе открылась прощальная выставка. Несмотря на будний день, на нее пришло множество людей.

На выставке было немногим больше двадцати Наташиных работ.

В основном цветы. Много, много цветов. Мы должны были подарить их ей. Вышло так, что она подарила их нам.

Нужно ли кому-нибудь то, что мы делаем?

Так сколько лет Одессе?

СПРАВКА ОБ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ — ПРЕДШЕСТВЕННИКАХ ОДЕССЫ

Первым известным крупным памятником на территории нынешней Одессы является поселение в пос. Усатово, которое относится к позднему периоду трипольской культуры и датируется второй половиной — концом III тыс. до н. э.

Следующим по хронологии известным памятником, факти-

чески древним протогородом (полисом), является поселение и могильник античного времени (VII — III вв. до н. э.) на Приморском бульваре, которое может быть идентифицировано как древний Борисфен, или "торжище Борисфенитов". Известная дата его основания по письменным источникам — 647/646 гг. до н. э., приведенная в "Церковной истории" Евсевия Кесарийского. Этот город в V в. до н. э. посетил "отец истории" Геродот.

Пока не получившим широкого освещения в научной литературе, но выдающимся памятником является античное святилище V — III вв. до н. э. на Жеваховой горе, которое можно интерпретировать как Одесос. Уникальность Жеваховой горы — в обнаруженном там "омфалосе", культовым объекте, рассматривавшемся древними греками как "Пуп Земли".

Следующим по хронологии известным памятником является городище греко-римского времени Гавань Истриан, расположенное на Приморском бульваре в первых веках н. э. и упомянутое под 132 г. н. э. Флавием Арианом.

Существование всех перечисленных памятников уверенно подтверждается археологически наличием сопутствующих культурных слоев. Если предполагать существование посе-

лений на основании случайных или разовых находок, то возможно говорить о существовании здесь населения в готское, византийское, ногайское, генуэзское и молдавское времена.

Существование поселения-порта Хаджибей (Качибей, Коцубиев?) археологически никак и ничем не подтверждается. Дата его первого упоминания: 1415 год — как показывают современные исследования одесских историков, является политически ангажированной в свое время польскими историками для обоснования исторических польско-литовских притязаний на причерноморские земли.

Замок и поселение Хаджибей достоверно известны с 1765 года. Их существование обильно документировано и подтверждено археологически.

Доктор исторических наук, профессор,

академик АН Высшей школы Украины, зав. кафедрой истории Украины, Южноукраинского национального педагогического университета им. К.Д. Ушинского А.О. Добролюбский.

Фото Олега Владимирского.

Евгений ДЕМЕНОК Израиль Литвак Возвращение забытого имени

Наша прогулка по Бруклинскому музею с Ильей Зомбом, одесско-американским художником, привела к неожиданному открытию. Мы обнаружили в экспозиции музея работу ещё одного одесско-американского художника, в Одессе совершенно неизвестного. настолько неизвестного, что информация о нём на русском языке в Интернете попросту отсутствует. Имя этого художника — Израиль Литвак (Israel Litwak).

Краткая информация о работе художника под названием "Crawford Notch, New Hampshire" (1951) рассказала о том, что Израиль Литвак родился в Одессе в 1868 году, в Соединённые Штаты эмигрировал в 1903-м, поселился в Бруклине и работал столяром-краснодеревщиком. Живописью начал заниматься в возрасте 68 лет, после выхода на пенсию. Работал в стиле примитива, изображая как городские сценки Нью-Йорка, так и пейзажи тех мест в Новой Англии, в которых бывал во время поездок по стране. При этом он писал не с натуры, а заминал картинку и дома воспроизводил увиденное не таким, как оно есть на самом деле, а так, как ему хотелось; зачастую перерисовывал виды с открыток и фотографий.

В Бруклинский музей эта работа попала как подарок от Самуэля Нисневича и его супруги. Интересно, что биографические данные возле работ в музее практически никогда не приводятся; в данном случае они были.

Сама работа, представленная в музее, свидетельствовала о несомненном таланте художника и произвела на меня такое впечатление, что я решил немедленно заняться поисками информации о нём. Как потом выяснилось, такое же впечатление работы только начавшего тогда заниматься живописью Литвака произвели на директора Бруклинского музея. Было это в далёком 1939-м.

Поиски увенчались успехом — англоязычные источники оказались гораздо более информативными. Вот что мне удалось узнать.

Одессит Израиль Литвак уже в одиннадцать лет начал заниматься столярным ремеслом. В возрасте двадцати одного года его забрали служить в армию, где он пробыл четыре года, с 1889-го по 1894-й. В 1903 году он

с женой и двумя сыновьями эмигрировал в США и поселился в Ист Флэтбуш в Бруклине. В возрасте шестидесяти восьми лет, выйдя на пенсию, Израиль решил попробовать себя в графике и живописи. До этого он никогда не рисовал, но, как он сам писал впоследствии, "любил посещать художественные музеи и наслаждался работами старых мастеров". Литвак начал с графики — рисовал карандашом и мелками на деревянных досках и, разумеется, сам делал рамы для них. Через некоторое время он принёс несколько своих работ куратору департамента живописи и графики Бруклинского музея. Куратора и директора музея так впечатлили работы, что они немедленно организовали индивидуальную выставку работ Израйла Литвака. Она открылась 3 ноября 1939 года и продлилась по 17 декабря; на ней было представлено сорок работ. Четыре работы музей принял в дар. Литваку в это время было уже семьдесят два года.

"У Питтсбурга есть Джон Кейн, а теперь у Бруклина появился Израиль Литвак", — было написано в пресс-релизе. Такое сравнение было значимым, ведь имя Джона Кейна, первого американского художника-примитивиста, признанного на музейном уровне, было своеобразным знаком качества.

После выставки Израиль Литвак стал широко известен — настолько, что в 1946-м большая иллюстрированная статья о художнике появилась в журнале "Time".

Вскоре после выставки по совету своего арт-дилера художник начал писать маслом. Неожиданно это привело к конфликту с хозяйкой квартиры, которую снимал Литвак: она находила запах скипидара отвратительным. Чтобы успокоить хозяйку, художник избрал особую тактику — зимой он делал на холстах наброски своих композиций, а летом, когда окна его квартиры могли быть постоянно открыты, занимался собственно живописью.

После выставки в Бруклинском музее работы Израйла Литвака выставлялись в Академии изящных искусств в Пенсильвании и Whitney Museum of American Art. В 1940 — 60-е годы он стал одним из самых успешных художников-самоучек Нью-Йорка.

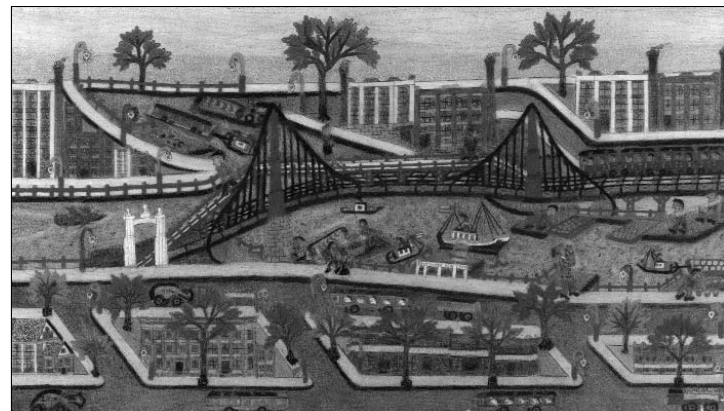

В коллекции Бруклинского музея находится фотография Израйла Литвака, сделанная фотографом Вивин Черри в 1940 году.

Израиль Литвак наслаждался успехом и всеобщим вниманием до самой своей смерти в 1960 году, в возрасте девяноста двух лет. После смерти интерес к его творчеству сошёл на нет, о нём практически забыли на долгие тридцать лет, до начала 1990-х. Сейчас вновь возникший интерес к его работам не ослабевает, аукционные цены на них выросли от тысячи до пяти — семи тысяч долларов. Работы Литвака находятся в Бруклинском музее и MoMA; продажей его работ и популяризацией творчества американских примитивистов занимается

Galerie St. Etienne. Первые выставки художников-самоучек состоялись в ней в 30-х годах прошлого века, и вот уже более семидесяти лет она выставляет работы Джона Кейна, Мориса Гиршфельда, Лоуренса Лебдушки, Абрама Левина, Эдварда Хикса, Эмили Бранчард и многих других. Среди них, разумеется, работы Израйла Литвака — они представлены вот уже на шести групповых выставках, начиная с 1952-го и заканчивая 2011 годом.

Биография Израйла Литвака включена в "Энциклопедию американского фолк-арта".

Леонид ГЕРВИЦ Ни о чем

Я, было, еще сомневался, но тут вспомнил Чехова и его чернильницу. В конце концов, многие же пишут. Даже ни о чем. Ведь важен сам процесс. Как у Джойса.

В живописи я бы так не смог. Но слово; со словом у нас другие отношения. Я бы назвал — приятельские.

Знаете, есть такие приятели, с которыми просто хочется поболтать. А может, это и есть настоящая дружба, когда просто приятно поболтать? И вовсе не обязательно есть пуд соли. Или "...в связке с тобой одной, там поймаешь, кто такой". Мы же не в горах, а здесь, внизу, в метро, на улице. Наконец, в толпе. Ведь как одиноко! Протискиваешься по Таймс-сквер или по Невскому сквозь косяки современников, плечо к плечу, бедро к бедру — а ведь одиноко! Солнце уже садится, скоро вечер. Вот бы присесть там, за тот столик в кафе, и хорошо с кем-нибудь поболтать!

Встретил Бунин Толстого на улице. Тот его и спрашивает: "Ну как дела?" — "Да вот, что-то не пишется", — отвечает молодой Бунин. "Вот про это и пишите", — ответил мудрый старец и проследовал дальше.

Ну, вот и пишу. Вы уж меня простите.

Правда, и просто поболтать не так уж легко: хочется не делать помарок, не зачеркивать, не перемарывать, чтоб болтовня лилась чисто, без запинок.

В библиотеке Моргана в Нью-Йорке, в витрине под толстым стеклом — рукопись Моцарта: ни одной помарки, ни одного зачеркнутого звука! Рука гения не знала ошибок!

Даже "наше все" — и тот с десяток раз перечеркивал "...оставь нас, гордый человек". "Гордый" там был где-то на десятой попытке и то исчезал, то снова появлялся.

Ранний почти современник Пушкина Вольтер писал: "Эскиз — плод гения, картина — плод разума". И то, и другое легитимно. Но все же — как же нам хочется, чтоб все было чисто и точно! И прямо сразу!

А Женя, как Саваоф с потолка Сикстинской капеллы, протянул мне, как Адаму, свой перст и через него вдохнул свой приказ.

Кстати, никогда не мог понять, почему Бог в исполнении Микеланджело такой седовласый: ведь он же вечен, а стало быть, не подвержен старению. И вообще — сильно волосат и нечесан.

Глядеть на потолок Сикстины очень трудно — болит шея. Долго так, задравши голову, не постоишь. Может быть, поэтому в капелле так шумно — птичий базар. Полицейский время от времени громко (в мегафон) произносит почти возмущенно: "Silencio!" На какое-то мгновение базар затихает, но тут же возрождается, с новой силой возгораясь. Так они оба — полицейский и толпа — опешают величие капеллы, приземляют небесный труд Буонаротти. В таком раскладе святости трудно прижиться. Особенно если шея болит.

Ну вот. Болтаю снова. И как же без композиционного замысла; нет ни начала, ни конца. Не прослеживается структура, сплошной поток сознания.

А может, "травя забвения".

Вот, говорят, хаос — это часть какой-то неведомой нам структуры. Да и сама жизнь не внушает какой-то структурной уверенности. Разве только у вас много денег: тут появляются и композиционный строй, и начало, и, естественно, конец. Если греки правы и бытие определяет сознание, то вот вам и равенство потоков.

Обращаюсь снова к музеям Ватикана: "Афинская школа" — одна из стен в станцах Рафаэля. Автор приведенной фразы, Демо-

крит, действительно выглядит как-то спокойнее и несокрушимее в своей открытости, нежели его оппонент Платон, чье лицо несколько затенено или, по-видимому, концепция которого была не так ясна художнику самому. Не случайно моделью для первого служил Леонардо да Винчи, вполне живой и конкретный.

Но как же быть со святостью?

Однажды, будучи еще довольно молодым, "духовной жаждою томим", забрел я "помолиться" в Эрмитаж. На дворе стоял короткий зимний день. Посетителей было мало, и я, предвкушая минуту взлета, шел туда, где она должна была быть наиболее вероятной: в зал Рембрандта. Поворот, еще поворот, и вот... Но что это? Разве это "Даная"? Нет, это какая-то другая картина стоит на полу, без рамы, сиротливо прислоненная к стене и (о, господи!) ниже меня ростом.

Как говорил один знакомый художник, "Картина без рамы — все равно что генерал в бане".

А вы говорите — "Святость".

Да в чем же она, господи?

На стене в Ватикане Платон, как и раньше, что-то доказывает Демокриту, а на дворе XXI век, и все еще неясно, кто победит в их споре.

А впрочем, не все ли равно? Только бы не победил Калашников!

Михаил ПОЙЗНЕР

"Мне здесь родиться было суждено..."

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПЕСНИ "ОДЕССА-МАМА"

Знанием песен об Одессе, наверное, сегодняя никого не удивить. Их пели и поют, где надо и не надо. Поют в одиночку и хором. Под расстроенную гитару и под серьёзные оркестры. Со сцены и во время застолий. В трезвом виде и не совсем. И исполнители тоже разные — от заурядных уличных и сомнительных ресторанных до выдающихся. Поют, составляя всякий раз невольно вздрагивать при слове "Одесса", улыбнуться или смахнуть внешние слёзы. Благодарные слёзы...

Знание знанием, а вот как создавались эти песни? Отчего-то или для чего-то? Что послужило толчком? И кто, собственно, вдохнул в них жизнь? Кто воспел Одессу на все времена, почти на весь белый свет?

Увы, есть авторы, имен которых не знает никто, хотя сами тексты знакомы каждому...

Абсолютное большинство одесситов (и, наверное, не только одесситов) уверены, что легендарная песня "Одесса-мама", очевидно, придумана безымянными одесситами, бесконечно влюбленными в свой город.

К счастью, авторы у "Одессы-мамы" есть. Их имена не канули в вечность, их не затерло время. Поразительно, что сами авторы — Евгений Агранович (он и автор музыки) и Борис Смоленский — не только не одесситы, они и Одессу-то никогда не видели...

Вот оригинальный текст "Одессы-мамы", написанный ещё в 1938 году (в некоторых источниках указано: 1938 — 1951 гг.):

Одесса-мама

В тумане таят белые огни...
Сегодня мы уходим в море прямо.
Поговорим за берега твои,
Родимая моя Одесса-мама.

Мне здесь родиться было суждено
И каждый день любить тебя впервые.
Ах, больше мне не пить твоё вино
И клёшем не утожить мостовые.

В Москве же все горланят и гремят,
Луна озарена огнём рекламы.
Ну кто ж теперь заменит мне тебя,
Родимая моя Одесса-мама?

Мы все хватаем звёздочек с небес,
Наш город гениальностью известен:
Утёсов Лёня — парень фун! Одес,
И Вера Инбер — бабеля из Одессы.

Сам Агасфер — старик-космополит —
Лечил в Одессе стрёпаные нервы.
В своих трудах он прямо говорит:
"Одесса — это мама номер первый".

Был Одиссей, бесспорно, одессит,
За это вам не может быть сомненья!
А Сашка Пушкин тем и знаменит,
Что здесь он вспомнил чудного мгновенья.

Ты мне один-единственный маяк,
Мне жить теперь так грустно и отратно!
Ой, хоб рахмонес², мамочка моя,
Ой, мамочка, роди меня обратно!

Давайте знакомиться с авторами.

Евгений Данилович Агранович (1919 — 2010 гг.) — известный советский и российский кинодраматург, сценарист, поэт, прозаик, бард, скульптор. Родился в Орле, с 11 лет жил у бабушки и бабушки в Москве. До войны поступил в Литературный институт, учился вместе с Павлом Коганом, Михаилом Кульчицким, Борисом Слуцким. В 41-м ушел добровольцем на фронт, имел ранения и боевые награды.

После войны восстановился в институте. При этом на собеседовании его, фронтовика, с недоумением переспросили: "А что, Вы у нас учились? На каком факультете? Поэзии? А у нас факультет русской поэзии..." Было сказано с ударением на слове "русской". Агранович обратился к Константину Симонову и Павлу Анто-

1) Фун — в переводе с идиш — "из".

2) Хоб рахмонес — в переводе с идиш — "имей сожаление".

кольскому. Пришлось "потревожить" тогдашнего ректора Литературного института Федора Гладкова, автора знаменитого "Цементы"...

После окончания института — на киностудии им. Горького переводил на русский язык тексты песен к иностранным фильмам, в том числе — очень известным: "Возраст любви" (с Лолитой Торес), "Бродяга" (с Раджем Капуром), "Колдунья" (с Мариной Влади) и др.

Кстати, ещё в годы войны, будучи бойцом истребительного батальона, сформированного из студентов-добровольцев, Евгений Агранович, используя перевод Киплинга "Пыль, пыль, пыль, пыль, пыль от шагающих сапог. Отпуска нет на войне...", написал к нему музыку. В 44-м эту песенку распевали американские и советские солдаты, встретившись на Эльбе.

Евгений Агранович является автором широко известной и скандально знаменитой поэмы "Еврей-священник", написанной в 1962 г. Вот только несколько строк:

...Он кончил институт в пятидесятом —
Диплом отгрозил выше всех похвал.
Тогда нашлись ребята всем ребятам,
А он один пороги обивал.

Он был еврей — мишень для шутки грубой,
Ходившей в те неважные года.
Считался инвалидом V группы,
Писал в графе "национальность": "Да".

Еврей мораль читает на амвоне,
Из душ заблудших выметая сор...
Падение преступности в районе
Себе в заслугу ставит прокурор.

По тем временам такая поэзия, понятно, считалась определенным вызовом.

Текст "Еврея-священника" ходил по рукам по всей стране. Компетентные органы выбились из сил, пытались найти автора возмутительных стихов. Приписывали их многим — и Симонову, и Слуцкому, и Евтушенко... Искали сходство стиля, логику построения... Требовали признания... "Но меня никто не выдал", — вспоминал Евгений Агранович.

Мало кто знает, что он является автором стихов и музыки известной песни "Я в весеннем лесу пил берёзовый сок...", хотя ошибочно эта вещь очень часто приписывается Михаилу Ножкину, исполнившему её в кинофильме "Ошибка резидента" (режиссер В. Дорман, 1968 г.):

...Я в весеннем лесу пил берёзовый сок,
С ненаглядной певуньей в стogu ночевал,
Что имел — не сберёг,

что любил — потерял.
Был я смел и удачлив, но счастья не знал.

Зачеркнуть бы всю жизнь
да с начала начать,

Полететь к ненаглядной певунье своей.
Да вот только узнает ли Родина-мать
Одного из пропавших своих сыновей?

Интересно, что "Я в весеннем лесу..." была написана в 1954 г. изначально для кинофильма "Ночной патруль". Евгений Агранович вспоминал:

"Эту песню должен был исполнять Марк Бернес, которому она нравилась, но дирекция студии (им. Горького) по каким-то своим соображениям решила песню в фильм не давать. Но поскольку песню в кинофильм не взяли и она осталась у меня, я стал петь её в различных компаниях, люди её сразу подхватили. Потом песню решено было использовать в фильме "Ошибка резидента".

Настолько эта вещь стала популярной, что Евгений Агранович (наверное, и для того, чтобы закрепить авторство) даже назвал свою первую книгу "Я в весеннем лесу пил берёзовый сок...", а сам в шутку называл песню "Песней перемещенных лиц"...

Также мало кому известно, что в 1970 г. для кинофильма "Офицеры" Евгений Агранович написал текст песни "Вечный огонь" (музыка Романа Хозака). Незабываемые слова, ставшие лейтмотивом всего фильма:

...От героев былых времен
Не осталось порою имен.
Те, кто приняли смертный бой,
Стали просто землей и травой...

Только грозная доблесть их
Поселилась в сердцах живых.
Этот вечный огонь нам завещан одним,
Мы в груди храним...

...В 2001 г. в Москве вышла книга Евгения Аграновича "Избранное" (с иллюстрациями его скульптурных работ).

При всём этом Евгений Агранович, будучи членом Союза кинематографистов СССР, так и не стал членом Союза писателей.

Борис Моисеевич Смоленский (1921 — 1941 гг.) родился в Воронежской области, в семье известного журналиста (возглавлял отдел газеты "Комсомольская правда", репрессирован в 1937 г.).

В 1921 — 1933 гг. семья жила в Москве, потом — в Новосибирске.

Бориса Смоленского буквально завораживала морская стихия. Учился в Ленинграде, хотел стать капитаном дальнего плавания (по некоторым данным, также учился в Москве, в Институте философии, литературы и искусства).

...Я капитан безумного фрегата,
Что на рассвете поднял якоря.
И в шторм ушел, и шел через пассаты,
И клад искал, и бороздил моря.

Отбив рапиры прыгающих молний,
Сквозь мглу морей и штормовой раскат
Он шел в морях, расшвыривая волны
И мачтами срывая облака...

В те годы известные события в республиканской Испании были на слуху у всех. Борис Смоленский выучил испанский язык, одним из первых открыл поэзию Федерико Гарсиа Лорки...

В январе 41-го Борис Смоленский был призван в Красную армию. Со слов Евгения Аграновича:

"...Борька был на два года моложе меня, ещё школьник — а я первокурсник, но дружба была высокой пробы. Как поэту, ему не дали раскрыться полностью, так рано убили на Карельском фронте (погиб 16 ноября 1941 г., — **М. П.**). Сохранилась тонкая тетрадь его стихов, порою блестящих. Жизнь не баловала — посадили обоих родителей, жил с сестрой. Но держался мужественно".

Произведения Бориса Смоленского при жизни не печатались. Первый небольшой сборник его стихов был опубликован лишь в 1976 г., а в 2009 г. при поддержке родственников в свет вышла книга "Моя песня бредёт по свету".

...Сегодня с большой вероятностью можно считать, что легендарную "Бригантину" Павел Коган написал в соавторстве с Борисом Смоленским — в рукописях Павла Когана обнаружены правки, внесенные рукой Бориса Смоленского. Так или иначе, в 1976 г. в сборнике поэтов, погибших на войне, изданном "Молодой гвардией", авторами "Бригантины" названы оба...

Вот такими были создатели песенки "Одесса-мама", которым на тот момент было около двадцати лет.

Как же всё начиналось?

Евгений Агранович:

"...Однажды зашел к нему (**Б. Смоленскому**, — **М. П.**), пишет что-то. Он бредил бурями и парусами, мечтал о кораблях и океанах. У него был уже готов куплет как бы от имени моряка, покидающего любимый порт. Но дальше автор не знал, куда плыть. Предложил мне продолжить, сославшись на занятость: надо было бриться. И что там росло? Ну, я переложил руль, круто свернул с морской романтики на дразнилку, гаерную шутку. Такая получилась песенка..."

Евгений Агранович "переложил руль" в сторону Одессы, использовав при этом "одесско-еврейскую мелодию". Сам же, исполняя "Одессу-мату", в конце каждого куплета обя-

зательно восклицал: "Ой, вэй!"

Что же двигало Евгением Аграновичем и Борисом Смоленским?

Почему именно Одесса была на слуху? Одесса со всеми оттенками — морем, юмором, местными знаменитостями и еврейским колоритом.

Может, под влиянием "Одесских рассказов" Исаака Бабея?

Может, под впечатлением от "Зелёного фургона" Александра Козачинского или "Бежит парус одинокий" Валентина Катаева?

Может, от преклонения перед Ильфом и Петровым?

Может, по рассказам и вздохам одесситов, поселившихся в Москве?

Может, из-за одесских анекдотов с еврейским акцентом и отдельными словечками в родительном падеже?

"Одесса-мама" Аграновича и Смоленского вырвалась на просторы страны и мгновенно стала популярной. С одной стороны — веселая, шуточная песенка, с другой — она не могла не задеть чувствительные ностальгические струны в душе каждого одессита, посвоему излечивая "стрёпаные нервы".

Внезапно повеяло морем и свежим ветром с юга, новыми героями, нестандартными ситуациями, необычной сменой декораций, когда какая-то Одесса противопоставляется самой Москве!

Думаю, что, полюбив "Одессу-мату", многие признавались: "Что же это за город такой? И почему я там не живу?!"

Евгений Агранович:

"...Я не предлагал её ("Одессу-мату", — **М. П.**) даже в газету. Хотя прямой контры в ней не было никакой. Но способность смеяться по-своему уже являлась контрой. Чего только стоит, например, строка: "А Сашка Пушкин тем и знаменит, что здесь он вспомнил чудного мгновенья". Ну кто мог в те времена назвать канонизированного официальной пропагандой Пушкина — Сашкой?! Или даже ироническое упоминание Бабея, чье имя старались вообще не произносить. К тому моменту, когда песня ходила по компаниям с гитарами и без гитар, вся Москва знала, что он арестован и расстрелян".

...Со временем оригинальный текст "Одессы-мамы" начал "обрастать" всё новыми и новыми строчками. На манер и "по направлениям", указанным Аграновичем и Смоленским, родились вполне самостоятельные чистые одесские произведения. Достаточно вспомнить: "Из всех известных в мире городов...", "Виднеются в тумане огоньки...", "Города, конечно, есть везде...". Так, вместе с ранее упомянутых Агасфера и Одиссея, которые, увы, при всём уважении, исторически всё-таки отдалены от Одессы, добавили очень известные одесские персоналии — не забыли и Беню Крика, и Эдуарда Багрицкого, и Семёна Кирсанова, и Давида Ойстраха, и Эмиля Гилельса, и Бусю Гольдштейна, и даже самого Владимира Петровича Филатова:

...Одесса-мама радует мой глаз,
Бывают драки с матом и без мата,
Но если вам случайно вынут глаз,
Так этот глаз уставит в вас Филатов...

Как бы там ни было, "Одесса-мама", изначально будучи детищем Евгения Аграновича и Бориса Смоленского, принадлежит теперь всем. Вот так и получилось, что из этой, как кажется на первый взгляд, незатейливой песенки об Одессе каждый берёт что-то своё, что-то для себя.

Кто-то в спорах с иногородними пытается утверждать: "Мы все хватаем звёздочек с небес, наш город гениальностью известен..." Дальше уже, как правило, с загибанием пальцев последует перечисление этой одесской гениальности.

А какой-нибудь молдаванский или пересыпский паренёк, может, только-только после мореходки, тяжело вздохнёт: "Ах, больше мне не пить твоё вино и клешем не утожить мостовые". Пока так...

Видавший виды "подфлажник" со стажем более чем уверен: "Ты мне один-единственный маяк..."

А одессит, очутившийся "на дальних берегах" и насовсем, наверное, упрямо повторяет про себя: "Ну кто ж теперь заменит мне тебя, родимая моя Одесса-мама?"

Я же повторяю и буду повторять всегда: "Мне здесь родиться было суждено и каждый день любить тебя впервые..."

Так или иначе, может быть, из таких "мелочей" и складывается в одно большое целое ОДЕССА-МАМА.

Узнаваемая и любимая.

Неповторимая и незаменимая.

Светлая и тёплая — с открытыми объятиями для всех.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. +38 067-480-37-05).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразливская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68. www.odessitclub.org.